

КНИГА II

НИКА
ЛЕТТА

НА ПЕРЕПУТЬЕ ДААРД

18+

Ника Летта

На перепутье. Даард.

<https://litres.ru/74184704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба подкинула ему эльфийку — и он потерял контроль. Она должна была стать пленницей. Но он всё чаще меняет правила ради неё и всё упорнее называет это стратегией.

Проблема в том, что его зверь уже не притворяется...

Примечание автора: Dark fantasy romance (Asian-inspired)

«Цикл о нагах, где каждое чудовище однажды встречает того, перед кем уже не может спрятать свою вину»

#противоречивые_чувства #опасная_связь #одержимость
#любовь_и_боль

Содержание

ГЛАВА 1. ПОСЛЕ НЕЕ	4
ГЛАВА 2 ЧУЖОЙ ЗАПАХ	17
ГЛАВА 3 НЕОЖИДАННОСТИ НА КАЖДОМ ШАГУ	32
ГЛАВА 4 ИДЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ЛОЖЬ	48
ГЛАВА 5 ЛГУНЬЯ, ЗМЕЙ И СЛЕПАЯ ЯРОСТЬ	64
ГЛАВА 6 НЕ СПЕШИ ЕЕ ЛОМАТЬ	80
ГЛАВА 7. ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ	101
ГЛАВА 8. НЕ МОЯ. НО ТРОГАТЬ НЕЛЬЗЯ	112
ГЛАВА 9. ПЛЕННИЦА ЕГО ЗВЕРЯ	126
ГЛАВА 10. СЛЕПОЙ ЗАЩИТНИК	137
ГЛАВА 11. СНАЧАЛА ВЫЖИВИ, ПОТОМ СОБЛАЗНЯЙ	154
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ника Летта

На перепутье. Даард.

ГЛАВА 1. ПОСЛЕ НЕЕ

НАШИ ДНИ

Во время Четвёртого тысячелетия от начала нового отсчёта поместья и рода, находившиеся на окраинах, подвергались жёстким проверкам. Одних представителей кланов арестовывали, других убивали прямо при сопротивлении. Юные таи сиротели, сэйры оставались без покровителей.

На ничейных землях стены окраинных поместий обагрили кровавые разводы. Зарождавшийся бунт давили в самом зародыше, оставляя в живых лишь женщин. Сыновей вырывали из материнских рук и сжигали в первородном пламени — в назидание тем, кто ещё смел думать о мятеже.

Дахора Огненного прозвали Кровавым змайсом.

Слух о зверствах императора разносился по Дурбану, как лесной пожар. В каждой таверне, на каждой ярмарке спорили, что страшнее: самоуправство Даарда Маарца, бывшего

советника, или теперешняя ярость императора.

Во мнении сходились почти все — безумие советника передалось монарху.

— Татус, молчи! — зашипел старый гоблин на своего собеседника.

— Да что ты мне цыкаешь, Зипис... — не унимался подвыпивший приятель. — Сам же говорил, что император запечатал своего безумного советника в ловушке. И теперь стоит посреди Академии ледяная глыба, а в ней покоится славный саш Маарц. Ты, кстати, так и не рассказал, как оно всё вышло.

— Молчи, трепло! — злобно шикнул гоблин, нервно озираясь по сторонам. — И так лишнего наговорил. Донесут ректору — и не работать мне больше в Академии. Всё, ни слова от меня не услышишь. Орёшь, как резаный.

— Да ладно тебе... Только не говори, что не согласен с остальными. Нашему молодому императору давно пора жениться. Окольцованные змайсы поспокойнее будут...

— Молодому? — хмыкнул старый гоблин. — Да он уже не одно столетие на троне сидит.

— По меркам древних родов он ещё мальчишка, — отмахнулся подвыпивший приятель. — Особенно теперь, когда советника лишился. Вот народ и шепчется: окольцуй змайса — и зверь присмирееет.

— Я предпочитаю молчать. Своя шкура ближе к телу.

Академия Предтечи изменилась.

Даже воздух здесь будто стал иным — тяжёлым, настороженным, пропитанным чужим страхом. После событий четырёхмесячной давности все учебные заведения, находившиеся под патронажем короны, перевели на жёсткий режим. Комендантский час. Проверки. Надзор. Малейшее отступление от правил влекло за собой не только наказание для провинившегося, но и подозрение в адрес целого рода.

Для простых жителей это казалось абсурдом.

Для тех, кто знал правду, — необходимостью.

После исчезновения человечки, несмотря на арест части заговорщиков, предпринимались новые попытки проникнуть в грот. Теперь мятежники не прятались. Они дей-

ствовали наглее, хитрее, изобретательнее. Отвлекали внимание мастерски. И до сих пор никто не мог понять, каким образом им удавалось проскальзывать туда, где всё должно было находиться под полной защитой.

Самым вопиющим случаем стала ночь, когда император проводил расследование в окрестностях Дурбана. Пока власть была отвлечена, неизвестные усыпили часть служащих главного поместья и вырезали целый род.

Именно после этого случая по стране поползли слухи, окончательно закрепившие за Дахором прозвище Кровавого змайса.

Страх поднял головы тем, кто раньше предпочитал молчать. Мелкие рода начали сбиваться в союзы. Два самых крупных, напротив, ушли в тень.

Род Маарц после заключения Даарда занял выжидательную позицию: не бунтовал, но и политику императора открыто не поддерживал. Несколько попыток освободить чёрного змайса всё же предпринимались.

Безуспешно, до разума Даарда было не достучаться. Змайс поглотил его целиком.

И потому теперь, в самом сердце Академии, в месте, где прежде кипела жизнь, стояла ловушка. А в ней — тот, кого ещё недавно боялись, ненавидели, уважали и проклинали.

Даард Маарц.

От одного взгляда на ледяную глыбу по спине пробежал холод. Казалось, сама магия вокруг неё застывала, сжималась, не решаясь приблизиться слишком близко.

Он не спал, не жил и не умирал. Просто существовал в этом проклятом промежутке между яростью и пустотой.

Даже сквозь толщу льда в нём ощущалась сила. Тёмная, болезненная, изуродованная потерей. Та самая сила, что когда-то держала в страхе половину Элтаэ. Та самая, что сорвалась с цепи в тот миг, когда у него отняли хранимую.

Теперь к ледяной глыбе старались не подходить без приказа. Слишком многие уже успели понять: безумие Даарда никуда не исчезло. Его просто запечатали. И мир расплачивался за это каждый день.

МИР ЗЕМЛЯ

— Саш! Быстрее! Скоро всё начнётся!

— Даша, как ты можешь быть такой нетерпеливой? Ралли проводят каждый год. Не понимаю, в чём кайф смотреть на этих хрустиков.

— Кто бы говорил о странных увлечениях. Меня что ли к себе косплееры звали? Вечно сидишь в своих играх. Задрот!

— Даша-а-а... благодаря этим играм, — карикатурно перекривляя её брат-близнец, — ты позволяешь себе куда больше, чем могут дать наши родители. Например, вот эту замечательную косуху. Не жмёт, нет?

Парень лет двадцати потянулся к сестре, будто собираясь отобрать подарок.

— Ладно-ладно! — отскочила с хохотом блондинка. — Я пошутила, твоя взяла!

И тут же вновь заканючила:

— Ну Саш! Ну пойдём уже. На окраину города ещё часа два добираться.

Отказывать сестре Александр умел плохо. Чем она бессовестно пользовалась.

Через пятнадцать минут они уже вышли за ворота частного сектора, где их ждало такси.

Брат с сестрой были похожи почти во всём: оба высокие, стройные, светловолосые. Сейчас, в чёрных кожаных куртках и светлых джинсах, они и вовсе казались отражениями друг друга. Различить их с первого взгляда было сложно, если бы не длина волос Даши, собранных в низкий хвост, и не несколько коротких прядей у лица.

Александр для парня был на редкость хорош собой. Нос с едва заметной горбинкой только добавлял ему шарма. Дашу красавицей назвать было сложнее, но у неё была одна особенность, заставлявшая оборачиваться вслед. Улыбка. Стоило ей улыбнуться — и лицо преображалось полностью.

Несмотря на разные характеры, времени вместе они проводили много. Даша любила риск, легко срывалась с места, заражала окружающих своей энергией. Александр, напротив, был сдержанным, застенчивым, предпочитал игры шумным компаниям и часто мысленно находился где угодно, только не там, где стояло его брэнное тело.

Такие дни, как сегодня, случались нередко. Сестра снова втянула его в авантюру, которая ему совершенно не улыбалась.

Спустя несколько часов они прибыли на место.

Вокруг царил привычный для подобных сборищ хаос: гомон, рев моторов, люди, снующие туда-сюда без всякой системы. Александра всё это раздражало.

— Саш, смотри, там Андрей! Давай подойдём! — вдруг воскликнула Даша, крепко ухватила его за рукав и потащила в только ей известном направлении.

— Только не говори, что ты притащила меня сюда из-за Прохорова, — зло процедил он. — Лучше бы подруг своих взяла, а не меня.

— Тех самых, которые предпочитают «сомнительные» компании? — прищурилась она. — Если бы кто-то не брякнул при родителях о «развязных девицах» в моём окружении, не пришлось бы тебе тащиться со мной в такую даль. Так что терпи. Ты мне должен.

И, не дожидаясь ответа, пошла вперёд, как ледокол, рас-

секая толпу.

Александр только сцепил зубы и поспешил следом.

В этом она была права. Если бы он тогда промолчал, ничего бы не случилось. Но после смерти старшей сестры пять лет назад мать словно сошла с ума, пытаясь контролировать каждый их шаг. Особенно Дашин. Так что даже разрешение поехать на ралли — пусть и в сопровождении брата — уже считалось победой.

— Ладно, не дуйся, — догнал он сестру. — Сама знаешь, я не люблю такие сборища.

— Так-то лучше! — мгновенно оживилась Даша, и он невольно заподозрил её в ловкой манипуляции. — Андрей — мой будущий парень. Так что постарайся не портить вечер кислой физиономией.

— Ну ты...

— Да-да, я. Самая обворожительная и привлекательная!

Она уже махала кому-то рукой.

Дальше всё понеслось слишком быстро: рукопожатия,

хлопки по спине, знакомые и незнакомые лица, чьи-то короткие фразы, смех, запах бензина и пыли.

А потом Александр вдруг понял, что Даша каким-то образом уговорила своего будущего визави участвовать в заезде.

Судя по тому, как сосредоточенно она надевала шлем, сама она тоже собиралась ехать.

— Ты что, с ума сошла? — прошипел он, едва успев подскочить к закрывающейся двери.

Даша приподняла визор и тихо сказала:

— Не мешай.

И столько было в этих двух словах, что он не осмелился вытащить её силой, хотя ещё секунду назад был готов именно на это. В её глазах не было ни каприза, ни пустого протеста. Только отчаянная решимость. Словно эта гонка была не про ралли, не про Андрея, не про адреналин.

А про свободу.

Про попытку доказать себе, что она способна прожить свою жизнь сама. Без страха. Без родительской удавки. Без

постоянного надзора.

Subaru под номером шестьдесят восемь спокойно отъехала к точке старта.

Потом Александр не раз вспоминал этот момент и каждый раз думал об одном и том же: надо было настоять.

Перед самым финишем он первым увидел, как внутри машины вспыхнул странный свет. Не снаружи — изнутри. Резкий, ненормальный, пробивший салон насквозь.

Водитель потерял управление.

Толпа шарахнулась в стороны.

Машина на полном ходу вылетела за ограждение и рухнула в овраг.

На несколько секунд Александр застыл, будто превратился в камень. Просто смотрел туда, где исчезла машина, и не мог вдохнуть.

А потом сорвался с места.

Он бежал, спотыкаясь, не разбирая дороги, вспоминая

про себя все молитвы, какие знал. Внизу уже метались люди. Кто-то кричал. Кто-то звал врача. Кто-то просто стоял, не в силах сдвинуться.

Перевернутый автомобиль лежал на дне оврага.

Пламя быстро охватывало пассажирскую сторону.

— Врача! — заорал Александр, не добежав пары шагов до искорёженной машины.

Увиденное ударило под дых: разбитое вдребезги стекло, огонь, искорёженный металл, неподвижное тело внутри.

Боль от ожогов на руках он почувствовал уже потом. В тот миг в голове билась только одна мысль — вытащить её. Немедленно. Пока не поздно.

Он всё же сумел выдернуть Дашу наружу и оттащить на безопасное расстояние. Потом своей курткой начал сбивать пламя с её одежды. К ней страшно было прикасаться — казалось, любое прикосновение причинит новую боль. Он только заставил себя снять с неё шлем, чтобы ей было легче дышать.

И то, что открылось его глазам, сперва лишило его воздуха, а затем вырвало из груди отчаянный крик:

— Чёрт бы вас побрал, вызовите немедленно врача!

ГЛАВА 2 ЧУЖОЙ ЗАПАХ

Итой Хортар стоял у окна, задумчиво наблюдая с высоты башни за студентами, которые суетливо бегали по территории Академии. Потеря целителей в разгар гражданской войны...

Даже восшествие Дахора на трон не было столь кровавым, как происходящее сейчас. Порой это рождало в нём что-то похожее на сожаление. Впрочем, кто как не он знал — судьбу не изменить.

Род Маарц после заключения Даарда требовал освободить чёрного змайса. В конце концов им уступили и сняли печать стазиса.

Но облегчения это не принесло. До самого Даарда было уже не достучаться. Человеческое сознание словно утонуло где-то в глубине второй сущности, уступив место зверю.

Теперь в пределах грота охотился не советник Маарц, там жил его зверь.

Стоило Итою вспомнить их последнюю схватку, как заживающие раны на теле неприятно заныли. Давно он не чув-

ствовал себя настолько потрепанным.

Поначалу он действительно пытался вернуть друга. Разговаривал с ним. Пытался пробиться через звериную ярость. Напоминал о прошлом. Напрасно. Человеческий разум чёрного змайса оказался погребён где-то в глубине второй сущности. А наружу вышло не обезумевшее животное, как считали многие.

Древний хищник, сотканный из магии, инстинктов и памяти крови, прекрасно различал ложь, страх, намерения и чужую слабость.

И самое показательное — он ненавидел эльфа. Осознанно.

Итой и не подозревал, что друг настолько сильно привяжется к той человечке. Раны, оставленные второй сущностью высшего змайса, как и прежде, не желали заживать до конца. Магия змайсов текла в крови. И их звери всегда оставляли след.

Дверь с грохотом распахнулась.

Ещё и дорогая кузина явилась. Всем своим существованием напоминая о прошлом. О прошлом, которое он пред-

почёл бы забыть.

— Ну... каковы ощущения?

— Ты о чём, Аширо? — спросил Итой, разминая раненое плечо.

— Я спрашиваю, что ты чувствуешь, когда твоего кузена сажают за решётку. Его ведь там пытаются, так? Признайся.

— Дорогая моя кузина, — лениво протянул он, — я к вашей семье больше не имею отношения с тех самых пор, как вы отреклись от меня после смерти моего отца. Благодарю хотя бы за то, что в живых оставили. Хотя постой... наверное, это из-за клятвы отречения?

— Зачем ты так? Когда ты успел стать таким жестоким? — казалось, события давних лет её нисколько не трогали.

— О нет, дорогая моя кузина. Я вовсе не жесток. Жестокость — это когда по возвращении домой тебе объявляют, что твой отец мёртв, а ты отныне нежеланный гость. Несмотря на то, что ты прямой наследник. Хотя... существовал ведь ещё дядя...

При упоминании родственника ректор улыбнулся, демон-

стрируя ровный ряд острых зубов.

Аширо в ответ зашипела, предупреждая, и это заставило Итоя внимательнее к ней присмотреться. В этой картинке было что-то до боли знакомое, что-то, пробуждавшее смутное чувство дежавю.

— Мой отец поступил благородно, оставив тебя в живых, хотя по всем законам должен был убить...

Пока она говорила, Итой медленно наступал, пытаясь ухватить ускользающее воспоминание.

— Ах да... эти славные эльфийские законы. Добыча достаётся сильнейшему. Как я мог забыть? — усмехнулся он. — Прости, сестрица. Но теперь ваш род уже не так силён, как прежде. Видимо, дяде с кузеном придётся выпутываться самим. А твой муж? Помочь не желает?

— Хватит изгаляться! Ты поможешь или нет?

Под конец она ткнула пальцем ему в грудь. Ректор тут же перехватил её ладонь. И в тот же миг перед его внутренним взором вспыхнули обрывки возможного будущего.

Так-так...

Как это он сразу не распознал в своей сестре суженую Дарда? Над этим стоило подумать. Значит, отсчёт уже начался. И очень скоро сюда пожелует избранная императора.

— Аширо, сколько экспрессии... — он плавно опустил её руку. — Разве подобает так вести себя замужней эльфийке?

Мелькнула мысль немного ускорить события. Осталось немного подождать, и он уйдёт своей дорогой. Прочь от Элтаэ.

— Каким ты был куском дерьма, таким и остался, — выдернула она руку и отступила на шаг. Насмешливый взгляд скользнул по его фигуре. — Видимо, слух не врёт. Советник знатно тебя потрепал.

На всегда белом, как алебастр, лице эльфийки играл едва заметный лихорадочный румянец.

— Исчезни, — прошипел Итой.

Вот почему он не выносил умных женщин. Они всегда замечали слишком много.

— Как пожелаешь, брат, — саркастично протянула последнее слово Аширо и слегка поклонилась.

У ректора дёрнулось плечо.

Из этих двоих и правда выйдет отличная пара.

Когда Аширо сша Акра покинула кабинет, Итой недовольно поджал губы и перевёл взгляд на полку со свитками, где хранился манускрипт, дарованный ему Темнейшей.

Может, всё-таки поддаться соблазну?

Тонкий женский силуэт крался по пустому холлу Академии Предтечи, то и дело озираясь по сторонам. Сердце билось так судорожно, что Аширо чудилось — его стук слышен на несколько вёрст вокруг.

Чужая одежда вызывала почти физическое отвращение. Красивое лицо эльфийки то и дело кривилось от брезгливости. Она поправляла узкий ворот академической формы, тщетно пытаясь избавиться от неприятного ощущения на коже.

Если бы не обстоятельства, она ни за что не надела бы на себя вещь с чужого плеча.

После утреннего визита к ректору прошло почти двенадцать часов. Всё это время она провела в пустующей комнате общежития, так и не покинув стен Академии.

Из-за амбиций брата и его планов по смещению монарха её клан увяз в заговоре с древними драконами. А мать, вместо того чтобы отречься от безумца и выдать его властям, решила присоединиться — в надежде занять место главы рода после падения Дахора Огненного. Подробности клятвы Аширо не знала, но печать долга крови не оставляла сомнений: отсидеться в стороне ей не позволят.

Выдать мать императору она не могла. Служить императору — тоже. Оставалось искать третий путь.

Аширо до сих пор с содроганием вспоминала похабный взгляд красноволосого дракона, за которого её выдали замуж полгода назад, и его обещание перестать сдерживаться. Приказ матери узнать судьбу брата и выяснить, как продвигается расследование, лишь сильнее затягивал петлю на шее.

Казалось, выхода нет. Но она не была бы собой, если бы не попыталась его найти.

Утром она напросилась на встречу к кузену не ради сведений о брате. Настоящей целью был пропуск в святая святых Академии. План заговорщиков был прост: добыть карту подземного лабиринта, пробраться к артефакту, обойти ловушки и монстра.

Но благодаря словоохотливому персоналу Академии в голове Аширо родилась совсем другая идея.

Безумная и гениальная в своей простоте.

Она сама выкрадет сердце пламени, отдаст его мужу в обмен на поход в храм и расторжение брака. Так она избавится от долга крови, а потом выдаст заговорщиков властям.

Ей было всё равно, кто останется у власти. Она хотела лишь одного — свободы. В любом случае положение женщин в её клане вряд ли станет хуже, чем есть сейчас.

То, что император остался без советника, знали все, кому не лень. В кругах заговорщиков быстро расползся слух, будто император, чтобы защитить артефакт, обратился к тёмной магии и поселил в лабиринте чудовище. Именно из-за этого, мол, сердце пламени до сих пор не удалось заполучить.

Глупая ложь, со временем слишком похожая на правду.

Но сегодня Аширо подслушала разговор двух стражников — и всё встало на свои места.

— Слышал, какой нагоняй устроил сегодня ректор в целительском корпусе?

— И не говори. Я бы тоже был не в духе, если бы меня после укусов высшего змайса латали какие-то неучи.

— Да... знатно советник его потрепал. Ты бы видел, в каком состоянии эльф выбрался из грота. На нём живого места не было...

Саму Аширо мало волновало состояние кузена. А вот упоминание о советнике заставило её замереть.

Неужели саш Маарц вернулся?

— А когда-то ведь были не разлей вода... Безумие зверя — вещь страшная.

— Не думаю я, что они были такими уж друзьями. До того как окончательно обратиться, саш обвинил в гибели своей сэйры именно ректора. Как думаешь, есть в этом доля прав-

ды?

Вот это уже любопытно.

— Я думаю, тронулся советник умом задолго до этого. Это ж надо было додуматься — подключить к делу свою хрупкую человеческую сэйру и засунуть её сюда учиться.

— Да ну? Не верю. Эти хладнокровные на своих женщинах помешаны, пылинки с них сдувают.

— Вот и я говорю — тронулся. Я краем уха слышал, как это обсуждала группа захвата. Как они тогда сокрушались об участи слабой человечки. Не веришь — обрати внимание на второй поток, который курирует ха Аш-Шарес.

— Все как всегда. Он их гоняет, вот и результат.

— Да-а? А тебя не смущает, что почти все они уже на хвосты встали? Обычно до такого доходят ближе к пятому курсу.

— Погоди... но при чём тут советник и его сэйра?

— А при том, что на спецкурсе как раз и училась сэйра советника. Её комната в общежитии до сих пор стоит нетро-

нутой. Ректор, видите ли, надеется: когда советник придёт в себя, захочет сохранить дорогие сердцу вещи. Наивный. После такой потери в себя он вряд ли уже придёт. Вон даже мелкие змеёныши, как узнали, что третировали несчастную сэйру, едва с ума не сошли и на нервной почве обратились.

— Ты смотри, какие чувствительные... Женщину, видите ли, третировали. Можно подумать, страшное дело. Просто человечки слишком слабые...

Дальше слушать она не стала. На лестнице, поправляя манжеты чужой формы, Аширо вдруг с пугающей ясностью поняла: карта ей больше не нужна.

Если зверь советника всё ещё в лабиринте, он сам приведёт её к сердцу пламени.

Оставалось только найти комнату его мёртвой сэйры, убрать собственный запах и надеть её одежду. Если вещи до сих пор не трогали, на ткани должен был сохраниться её след. А значит, зверь учует не чужую — свою.

План был безумен.

Но других у неё не осталось.

Эта мысль пришла не на пустом месте.

Полгода назад, вскоре после храмового брака с драконом, Аширо попыталась бежать. За это разгневанный супруг посадил её на цепь — прямо в церемониальном наряде, в своём подземелье — и заставил смотреть, что бывает с теми, кто идёт против его воли.

Перед её глазами он мучил юную гоблиншу, принадлежавшую какому-то змайсу, пока та не испустила последний вздох. Сам змайс в начале экзекуции только сверлил дракона взглядом, но стоило тому приковать девушку к стене — обратился в зверя и начал биться о прутья клетки от бессилия.

Дракону и этого оказалось мало.

Он сцедил в ковш кровь с ещё тёплого тела и вылил её на голову застывшей от ужаса Аширо.

— Тебе повезло, что наш союз заключён в храме, и я не могу навредить тебе лично. Но кто сказал, что это не сделает кто-то другой?

С этими словами он швырнул её в клетку к огромному, израненному змею и ушёл, прошипев напоследок:

— Посмотрим, что от тебя останется к утру.

Тогда Аширо была уверена: почувствовав кровь своей хранимой в такой близости, зверь разорвёт её на месте.

Но случилось иное, из-за запаха крови зверь решил, что рядом с ним — его сокровище. И вместо того чтобы убить, начал успокаивать. Обвился вокруг неё израненным телом, защищая от невидимой угрозы, тихо шипел, согревая, а под конец даже лизнул висок на испачканной кровью голове и окутал её тело тёплой энергией.

А потом рассыпался пылью.

Так Аширо, сама того не желая, узнала тайну змайсов: звери не видят своих хранимых в обычном смысле. Они узнают их по запаху и жизненной энергии.

Значит, её план мог сработать, осталось только найти комнату.

Это оказалось проще, чем она ожидала. Навигационная карта в центральном холле подсказала дорогу к общежитию второго потока, а поисковой светлячок — единственную пустующую комнату на тридцатом этаже западной башни.

Проникнуть внутрь удалось не сразу. В помещении стояла пыль, как будто здесь действительно давно никто не бывал. Но всё указывало на то, что она не ошиблась.

Огромное зеркало перехода, рассчитанное на дальние расстояния. У адептов таких быть не могло. Одежда в потрёпанном шкафу — скроенная так, чтобы зрительно расширять плечи и скрывать талию и маскировать под юношу.

Форма оказалась тесной в груди, затхлой, ношеной и отвратительно пахнувшей, но выбора не было. В конце концов она решила: лучше задохнуться от вони, чем доживать жизнь в ненавистном браке. И если всё пройдёт удачно, карта лабиринта ей не понадобится. Зверь сам приведёт её к цели.

Когда она наконец добралась до подземелья и остановилась перед огромной аркой входа в грот, ноги едва не подкосились. Чужая форма тянула плечи, сковывала движения, в груди неприятно жало.

План был безумен. Но у безвыходности всегда дурной вкус. Альтернативы у неё не было. Аширо толкнула створку. Дверь поддалась с пугающей лёгкостью. Ещё бы. Только безумцы добровольно шли сюда становиться кормом для зверя.

Она шагнула в темноту. В нос ударила смесь сырости, камня, затхлой одежды и чужого, мёртвого запаха. Где-то глубоко внутри, под ребрами, копошился страх быть разоблачённой.

ГЛАВА 3 НЕОЖИДАННОСТИ НА КАЖДОМ ШАГУ

ЭЛТАЭ. ДУРБАН. ПОДЗЕМНЫЙ ГРОТ.

АШИРО

Касаясь дрожащими пальцами влажных стен с фосфоресцирующими прожилками, она медленно продвигалась вперёд. Эльфийское зрение быстро привыкло к сумраку. С каждым шагом лабиринт будто высасывал звуки и чувства. Реальность смазывалась под гнётом одиночества и безысходности, пропитавших грот насквозь.

Не сразу Аширо поняла: это не её эмоции. Это зверь. Его тоска, его ярость, его пустота расплзались по камню вместе с магическим фоном.

Сердце болезненно сжалось. Невозможно было остаться равнодушной к чужому горю такой силы. На краткий миг она даже испытала жалость к зверю — и зависть к женщине, которую любили так безоглядно.

Но это прошло в тот же миг, когда в глубине лабирин-

та слышалось шуршание, тяжёлое, нарочито различимое. Медленно, будто во сне, Аширо оторвала взгляд от пола и подняла голову. Сначала заметила тусклый отблеск чешуи.

Потом — изгиб хвоста. Потом — клыки. Белые, огромные, длиной почти с её ногу. И только потом осознала, что пасть зверя находится в считанных сантиметрах от её лица. Тёплое дыхание коснулось кожи.

На фоне пролады лабиринта оно ощущалось особенно остро. Не смея шевельнуться, она продолжала смотреть.

Секунда. Другая. И вот уже жёлтые глаза с серповидными зрачками встретились с её взглядом.

Сердце сбилось. Она и представить не могла, что звериная ипостась советника окажется настолько огромной.

Тогда-то Аширо и поняла разницу между высшими и прочими. Такого зверя невозможно было провести дешёвой хитростью. Никакой запах не заставит его ошибиться, если он не захочет ошибиться сам.

Когда красноватый язык медленно попробовал воздух в сантиметре от её носа, страх накрыл её с головой. В этих глазах не было безумия, только ясный, страшный разум.

И в тот момент Аширо поняла: если он решит её сожрать, никакой план уже не спасёт.

Осознав опасность своего положения, Аширо сделала медленный, глубокий вдох, стараясь успокоиться и собрать мысли в кучу. В голове бился один-единственный вопрос: **как не стать обедом.**

Змей сжимал кольцо. Чешуя терлась о ткань, оставляя на ней запах и следы — помечал. Она замерла.

По логике — она его хранимая. По факту — дрожащая добыча.

Голова змея скользнула ей за спину. Тёплое дыхание коснулось затылка. Любое существо в этот момент обернулось бы.

Она — нет, застыла.

Хотя это было довольно затруднительно, если брать в расчёт, что мало какое существо позволит, чтобы за его спиной стояло нечто, способное при необходимости откусить голову или проглотить целиком.

Если я сейчас начну паниковать, то это будет конец , ду-мала Аширо, пытаюсь удержать себя в руках. А если он сей-час обернётся?

Его огромные жёлтые глаза смотрели прямо в душу, слов-но он пытался понять, действительно ли перед ним та самая хранимая, которую он помнил.

— Спокойно... — мысленно приказала она себе.

Стараясь выровнять дыхание, она вспомнила. Другого змайса. Клетку. Кровь. Что она тогда такого сделала, что тот змей закурлыкал? Точно. Тогда она его погладила, в благо-дарность. А после, отдав всю магию на её защиту, он превра-тился в прах.

Аширо медленно подняла трясущуюся руку и, едва каса-ясь, погладила чешую змея, тут же отдёрнув ладонь.

Змей застыл.

Кольцо перестало сжиматься.

Затем его голова вновь оказалась напротив её лица. Глаза сузились, и он напрягся, словно готовился к атаке.

— Тебе... не нравится? — голос дрогнул.

Змей не атаковал. Он вдохнул. Глубже. Обнюхал. Холодный пот выступил на спине.

Рука дрожала, но она упрямо положила ладонь на его хвост, и не убрала. *Если ничего не делать — я умру раньше, чем он меня съест.*

Она продолжала ласково гладить чешую, стараясь внушить: **я — твоя**. Дыхание стало мягче. Кольцо ослабло. Взгляд подёрнулся дымкой.

— Похоже... ему это нравится... — с облегчением подумала Аширо. — Теперь главное — закрепить.

Вот так. Верно. Она действительно хранимая, о которой он должен заботиться и которую должен защищать.

Он начал медленно расслабляться, кольцо его хвоста стало менее плотным, а глаза заволокло едва заметной дымкой.

И это сработало. Змей расслабился. Полностью. Освободил её. Она осторожно шагнула вперёд.

Теперь или никогда, подумала она и направилась вперёд, надеясь, что движется к центру лабиринта. И молилась про себя, чтобы зверь не передумал и не напал на неё сзади.

Он не отставал. Скользил рядом. Касался. Тёрся чешуёй — слева, справа.

Метил.

Когда она остановилась, пытаясь понять его поведение, он боднул её в спину. Несильно. Но достаточно, чтобы она потеряла равновесие и упала — прямо на заботливо подставленный хвост.

Змей довольно закурлыкал. Лизнул висок.

И рванул вперёд.

— Я хочу пить! — выкрикнула она, на случай если его логово находится вдали от источника.

Змей остановился. Обернулся. Вопросительно курлыкнул.

— Пить хочу, — повторила она, касаясь горла. — Мне... нужно к озеру.

Не увидев должной реакции, она погладила его огромную голову. Инстинкты. Звери понимают это лучше всего.

— Там я смогу восстановить силы... — добавила тише.
— И... есть хочу.

Зверь приподнял голову, его глаза внимательно смотрели на неё, будто пытаясь понять, что она сказала. Аширо продолжала гладить его чешую, стараясь создать видимость доверия и привязанности.

— Пожалуйста, — добавила она, вкладывая в голос как можно больше мольбы. — Мне нужно к озеру.

Змей наклонил голову. Развернулся.

— Спасибо... — выдохнула она, устраиваясь на его теле.

Грот встретил их тишиной. Вода — спокойная, тёмная. В центре — остров. Постамент. И **Сердце Пламени**.

Слабое свечение разрезало мрак. Берег был усыпан кристаллами и обломками.

Змей направился к кромке воды, осторожно огибая тор-

чащие из земли сталактиты и разбитые кристаллы, которыми был усеян берег.

Неужели кузен бился со змеем прямо здесь?

Только сейчас Аширо обратила внимание на каменное крошево под ногами и, пытаясь понять, откуда оно взялось, стала обводить взглядом окружающее пространство. А подняв голову, ахнула: на потолке гроздьями висели драгоценные залежи кристаллической руды, которую часто использовали для создания артефактов.

Змей косо глянул на неё.

Мол: *ты пить хотела.*

Стараясь не выдать своего волнения, Аширо спустилась наземь и постаралась не смотреть в сторону артефакта, симболизирующего власть на землях Кровавого Змайса.

Теперь главное — не вызвать его подозрений и не сделать резких движений.

— Мне нужно... отдохнуть.

Змей не двигался. Следил. Она закрыла глаза — будто от-

дышает. На деле — считала.

Один шанс.

Время тянулось мучительно долго. Сперва змей кружил вокруг неё и всё поглядывал на её сцепленные в замок ладони. Словно выискивал что-то, ведомое ему одному. Затем отбросил это гиблое дело и заполз в воду искупаться.

И исчез.

Исходя из наблюдений, достать артефакт будет непросто — ввиду невозможности использовать магические силы в гроте, чтобы не разрушить энергетическое поле.

Перейдя на эльфийское зрение, она увидела энергетическое плетение вокруг постамента. Это была не магия в чистом виде. Просто кто-то слишком умный поиграл с энергетическими потоками и выплел такое великолепное кружево.

Структура была чистая, идеально выверенная. Земля. Вода. Воздух. И ни капли огня. Инь. Тишина.
 Спокойствие.

В том, что плетение рабочее и предназначено для защиты, сомнений не было.

Но вот от кого?

Обычно таким плетением защищали колыбельки маленьких эльфов, чтобы посторонние мужчины не могли выкрасть младенцев или навредить им. Пламенные носители энергии, мужчины, просто не способны пройти через этот барьер.

Неужели?..

— Колыбель... — прошептала она.

Если это так, тогда артефакт уже у неё в кармане.

— Вот ты какой, кузен... — тихо усмехнулась она.

На опасные мероприятия женщин не берут — слишком ценный ресурс. А обойти плетение, берущее начало из первозданной материи, не под силу ни одному магу. Сама природа не позволит пройти против её законов.

Змей вернулся с добычей. Рыба упала ей на колени.

Он уставился.

Смотри. Видишь? Я хороший. Я добытчик.

Она моргнула.

Такого поведения от грозного и разумного зверя Аширо не ожидала. И сама не заметила, как протянула руку и погладила шипастую голову — как обычно поступала, когда её домашние питомцы ловили грызунов и складывали мёртвые тушки на порог дома.

Но змей ведь не домашнее животное.

А магическое, разумное существо.

— Кхм... спасибо. Только я не могу есть сырое мясо...

После её слов змей выглядел расстроенным и сразу, отчего-то, заметался по пещере. Казалось, он старался решить сложную для себя задачу. Потом резко остановился, словно что-то учуял, что-то курлыкнул — и стремительно выполз из грота вглубь лабиринта.

Аширо резко вскочила и бросилась к озеру. Она знала, что у неё есть всего несколько минут, прежде чем зверь вернётся.

Доплыть до островка, на котором был расположен поста-

мент, за три минуты труда не составило. Когда она уже выползла на каменистый берег, из глубины лабиринта послышался странный гул вперемешку с яростным шипением.

Значит, пожаловали незваные гости. И гости сильные, если привели в ярость такого зверя. На землях Кровавого Змайса только сам император превышал по силе советника.

Плохо дело, у неё в запасе есть ещё несколько минут, пока длится поединок. И сейчас, если она хочет добиться успеха, необходимо обрести душевное спокойствие, иначе барьер не обойти.

Приняв позу лотоса, она принялась выравнивать дыхание и старалась не обращать внимания на звуки борьбы, которые становились всё отчётливее. Когда она обрела относительное спокойствие и сердце перестало суматошно биться, шагнула вперёд к постаменту.

Её накрыла мощная энергия. Оказывается, барьер служил не только защитой от посторонних, но и не позволял энергии артефакта просачиваться наружу и активировать кристаллы.

— Это... это что? Кольцо? — пробормотала эльфийка, поражённая.

Артефакт власти она представляла несколько иначе. Поэтому маленький железный ободок вызвал у неё нечто вроде оторопи.

В этот момент в грот ворвался её кузен, ректор Академии Итой Хортар. За его спиной ей был виден бой между императором Дахором Огненным и зверем советника. Их змеи поистине были огромными и заполняли собой всё пространство немаленького грота.

Увидев коробочку с кольцом в руках Аширо, Итой не стал терять время зря. Применил заклинание левитации и плавно направился к островку, на котором стояла кузина.

Применение магии вызвало бурю магической энергии. Пространство пещеры словно сгустилось, кристаллы на земле начали дрожать. Но не они волновали Аширо. Больше всего её беспокоил приближающийся кузен и кристаллы, расположенные на потолке — именно они представляли настоящую угрозу.

Плохо. Очень.

— Вот шарх... — воскликнула эльфийка, когда пространство грота стало содрогаться. — Необходимо уносить отсю-

да ноги.

— Даже не думай. Тебе от меня не скрыться... — донёсся голос Итоя. У эльфов всегда был отличный слух, а уж тем более сейчас, когда он стремительно приближался.

Аширо, наблюдая за тем, как с каждой секундой расстояние между ней и ненавистным кузеном сокращается, заметалась в поисках выхода, которого, казалось, не было.

Если только не активировать артефакт переноса. И плевать, что этим она может похоронить заживо троих существ. Главное — выжить самой.

Впопыхах она стала искать нужный артефакт, который, как назло, затерялся в складках непривычной одежды. Вокруг всё дрожало, земля уходила у неё из-под ног. К этому моменту Итой уже достиг островка и теперь уверенно шагал в её сторону.

Выхода нет. Только портал.

Пальцы наконец нашли кругляшек с артефактом переноса. Аширо стала обходить постамент, пытаясь выиграть себе хоть несколько секунд, и споткнулась.

От неожиданности из другой руки выпала коробочка с Сердцем Пламени.

Злосчастное кольцо от удара об пол выскочило и покати-лось в сторону озера.

— Нееееет! — отчаянно закричала эльфийка.

Она бросилась за ним, потянувшись обеими руками, и в тот же миг порталный камень вылетел из её ладони и полетел следом — прямо к катящемуся кольцу.

По неизвестному стечению обстоятельств, а может, и по воле богов, два артефакта столкнулись. Магическая вспышка озарила грот. И на их месте начала образовываться вертикальная воронка.

В самый неподходящий момент Итой подбежал к вспыхнувшему магическому явлению в поисках Сердца Пламени. Он оттолкнул Аширо, которую уже начало затягивать в воронку, и сам оказался в её эпицентре.

Грот окутала секундная тишина. Одна секунда. И всё схлопнулось. Только эхо.

И яростное шипение двух змеев, доносившееся издалека,

словно отголосок надвигающейся катастрофы.

ГЛАВА 4 ИДЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ЛОЖЬ

ЗЕМЛЯ. ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ, ПОСЛЕ СОБЫТИЙ В ПЕРВОЙ КНИГЕ

ВИКА. СЕУЛ

Если бы мне кто-нибудь пару лет назад сказал, что я буду жить в Сеуле с мужчиной, который одинаково спокойно умеет заваривать чай, разбираться в моей косметике и смотреть так, словно видит не только меня, но и всё, что со мной может случиться в ближайшие лет сто, — я бы, наверное, покрутила пальцем у виска.

Хотя... нет.

Скорее всего спросила бы: «А он симпатичный?»

Теперь, когда вопрос внешности был давно и бесповоротно решён, меня гораздо больше волновало другое — как вообще я умудрилась в это всё вляпаться и почему, если быть уж совсем честной, выбираться из этого не особо хотелось.

Сеул мне нравился.

Очень.

Красивый, яркий, живой, быстрый город. Из тех, где даже если вышел за хлебом, вполне можешь через полчаса оказаться в каком-нибудь переулке с фонариками, жареными каштанами, лавкой с милыми безделушками и вывеской, которую не можешь прочесть, но уже заранее уверен — там продают что-то вкусное.

Первые недели я честно пыталась делать вид, что не веду себя как восторженная туристка. Не вышло.

Потому что как тут не восторгаться? Кафешки — милота. Магазины — погибель кошелька.
 Улицы ночью — отдельный вид искусства. Люди — быстрые, вежливые, стильные. А ещё тут был Сеичи, который каким-то чудом умудрялся не портить впечатление своей гиперопекой.

Нет, он, конечно, пытался. Но делал это так незаметно, что придраться вроде бы и не к чему.

— Ты опять не взяла зонт, — раздалось у меня за спиной.

Я, стоявшая в прихожей и судорожно пытавшаяся одной рукой застегнуть куртку, второй удерживать сумку, а зубами не уронить ключи, только фыркнула:

— На улице солнце.

— Через сорок минут будет дождь.

— Угу. А ещё, наверное, ветер с востока, повышение влажности и душевные страдания у всех, кто забыл шарф?

Он даже не улыбнулся. Просто протянул мне зонт.

Чёрный. Обычный. Тот самый, который я «случайно» трижды забывала то в студии, то в такси, то у Юльки.

— Возьми.

— Ты зануда.

— Я предусмотрительный.

— Ты страшный человек, Сеичи.

— Это ты ещё не видела, каким я бываю, когда ты выходишь из дома без завтрака.

На этом моменте я не выдержала и всё-таки рассмеялась. С ним вообще было сложно долго держать оборону. Не потому, что он давил. Скорее наоборот. Он умел так спокойно стоять рядом, что ты сам начинал чувствовать себя немножко истеричкой.

А ещё бесило, что он почти всегда оказывался прав. Через сорок минут действительно пошёл дождь. Мелкий, противный, из тех, что вроде и не ливень, а через пять минут ты уже выглядишь как грустный птенец, который принял в своей жизни не то решение.

Порой мне казалось, что Сеичи не живёт, а каким-то образом... считывает мир. И это, между прочим, очень мешает человеку чувствовать себя независимым и прекрасным созданием.

Хотя в остальном моя жизнь складывалась более чем прилично.

Работа шла хорошо. Даже слишком. Меня уже не трясло перед каждым проектом, я перестала хвататься за всё подряд и наконец начала выбирать, где хочу работать, а где нет. Оказалось, когда у тебя за спиной есть дом, в который хочется возвращаться, и человек, рядом с которым не надо изоб-

ражать из себя лучше, умнее и успешнее, чем ты есть, жить становится как-то... проще.

Подозрительно проще. Нет, не подумайте. Я не расслабилась настолько, чтобы сесть кому-то на шею и сладко свесить ножки. Наоборот.

Чем спокойнее становилась жизнь, тем сильнее во мне начинало зудеть старое доброе: «А не оборзела ли ты, Вика?»

Потому что да, я работала. Да, зарабатывала. Но если уж совсем честно, без Сеичи мой переход в новую жизнь был бы куда менее комфортным. А меня такие вещи царапают. Не потому что гордая до припадка, а потому что привычка рассчитывать на себя въелась так глубоко, что даже в раю я бы первым делом спросила, где тут можно подработать.

Сеичи вообще не походил на человека, который должен был оказаться в большом современном городе и как-то в него вписаться. Казалось бы — ну что ему здесь делать? Но самое смешное заключалось в том, что именно он вписался лучше меня.

Я хотя бы имела право тупить в метро, путаться в выходах, зависать у автоматов с оплатой и путать названия улиц. А он... будто изначально понимал, как всё устроено. Не в

бытовом смысле. С бытовым-то как раз были забавные моменты.

Первое время он с очень серьёзным лицом изучал инструкции к кухонной технике, словно собирался не рис варить, а как минимум запускать военный артефакт неизвестного происхождения. Зато потом научился так ловко обращаться со всем этим добром, что я даже обиделась.

— Почему у тебя рис получается лучше, чем у меня? — спросила я как-то, с подозрением глядя в кастрюлю.

— Потому что я читаю, что написано.

— То есть я, по-твоему, не читаю?

— Ты смотришь на инструкцию и решаешь, что достаточно талантлива, чтобы обойтись без неё.

— А что, нет?

— Иногда — да. Иногда из-за этого у нас плавится лопатка.

Я соорудила возмущённое лицо.

— Это было один раз.

— Два.

— Ты злопамятный.

— Я наблюдательный.

И ведь не поспоришь. Рядом с Сеичи мир становился... больше. Словно за обычной дверью внезапно обнаруживался ещё один этаж, а за ним — ещё.

Проблема в том, что жить на таком этаже постоянно — дело нервное.

Потому что чем дольше мы были вместе, тем сильнее во мне зрело понимание: я слишком удобно устроилась. Да, мне хорошо. Да, я люблю его. Да, рядом с ним спокойно.

Но это не повод класть лапки кверху и делать вид, что всё само рассосётся.

А я не люблю зависеть. Вообще. Ни финансово, ни эмоционально, ни как-либо ещё, если уж совсем начистоту. Поэтому, когда мне предложили долгий проект в Каннаме, я согласилась почти сразу.

Даже слишком быстро.

Потом, правда, весь вечер ходила кругами по квартире, репетируя разговор у себя в голове. Как будто собиралась не мужчине сказать, что беру новый контракт, а объявить императору соседней галактики о начале военных действий.

Сеичи в тот момент был на кухне. Спокойный, как всегда. Резал овощи с таким видом, будто это занятие заслуживает не меньшей сосредоточенности, чем вскрытие чьих-то мистических печатей.

Я потопталась в дверях. Потом ещё. Потом поняла, что если не начну сейчас, то через пять минут пойду мыть руки, перекладывать полотенца, проверять почту и делать всё, лишь бы не говорить по делу.

— Я взяла проект, — выпалила я.

Он даже нож не отложил.

— Хорошо.

И всё, я нахмурилась.

— И это всё?

— А ты ожидала чего-то другого?

— Не знаю! Ну... — я развела руками. — Может, вопросов. Может, лекцию. Может, загадочный взгляд в духе «я знал».

— Я знал.

— О, замечательно. Спасибо. Очень помогло.

Теперь он всё-таки поднял на меня взгляд.

— Ты хотела его взять.

— Да.

— Значит, правильно сделала.

Вот так спокойно и без лишней драмы. И от этого у меня внутри почему-то закололо сильнее, чем если бы он начал спорить.

— Я не хочу полностью от тебя зависеть, — сказала я уже тише.

Он молчал. Я вздохнула и продолжила:

— Не потому что мне плохо с тобой. Или что мне чего-то не хватает. Наоборот. Просто... я — это я. Мне надо самой. Иначе начну беситься. На тебя, на себя, на весь мир. А потом ещё и кастрюлю сожгу назло.

— Это серьёзный аргумент, — спокойно заметил он.

— Между прочим, да.

Сеичи отложил нож, вытер руки и подошёл ближе.

— Вика.

— М?

— Я никогда не хотел, чтобы ты стала меньше рядом со мной.

И всё.

Опять простая фраза.

А у меня внутри будто что-то мягко перевернулось.

— Ладно, — буркнула я, чтобы не расплыться прямо тут в лужицу чувствительного счастья. — Но проект всё равно беру.

— Бери.

— И сниму квартиру ближе к студии.

— Хорошо.

— И буду сама оплачивать.

— Хорошо.

— И не надо на меня так смотреть.

— Как?

— Вот так. Словно ты уже заранее всё про меня знаешь.

— Иногда знаю.

— Зануда.

— Это ты уже говорила.

Я фыркнула, развернулась и ушла собирать вещи.

Собиралась я, как обычно, по-виковски. То есть сперва бодро и уверенно, потом с хаотическим метанием по квартире, потом с попыткой вспомнить, куда дела зарядку, потом с философским осознанием, что половину нужного всё равно забуду.

На кровати росли горы одежды, у чемодана уже не закрывалась молния, а я стояла над всем этим богатством, оперев руки в бока, и размышляла, можно ли считать пять одинаковых чёрных водолазок жизненной необходимостью.

— Можно не брать третью.

Я резко обернулась.

— Ты подкрадываешься специально?

— Нет.

— Не верю.

— Это уже твои личные трудности.

— Нет, мои личные трудности сейчас — выбрать между вот этим свитером и вот этим.

Он мельком глянул на кровать.

— Возьми оба.

— Вот! Вот за это я тебя и люблю. Никаких мелочных ограничений.

— Я просто знаю, что спорить бесполезно.

— Верно. Учишься.

Я снова уткнулась в чемодан, перекладывая вещи. На душе было странно. Вроде и радостно — новый проект, новый ритм, самостоятельность. А вроде и неуютно. Как будто я сама себе устраивала маленькую проверку: ну что, Вика, сможешь без своей удобной сказки?

И в тот самый момент, когда я уже почти застегнула молнию, по спине вдруг пробежал холодок.

Очень резкий и неприятный. Я выпрямилась. В комнате стало тихо. Слишком тихо. Даже улицу за окном будто приглушило.

— Сеичи?

Он стоял у окна. Неподвижно. И вот это мне сразу не понравилось. Потому что в быту Сеичи живой. Спокойный, но живой. А когда он замирал вот так — это значило, что в мир выходит не мужчина с кухни, а кто-то гораздо древнее и опаснее. Я медленно поставила на пол косметичку.

— Что такое?

Он не ответил сразу. Только чуть повернул голову, будто к чему-то прислушиваясь. Не ушами — всем собой.

Я никогда не умела объяснить, как это выглядит со стороны. Просто в такие моменты рядом с ним пространство будто становилось теснее. Воздух — плотнее. А у меня просыпалось очень нехорошее ощущение, что если сейчас моргнуть, можно увидеть что-то лишнее.

— Сеичи?

— Здесь появилась трещина, — тихо сказал он.

— Где?

— Не в этом доме.

Очень помогло, конечно.

— Ты можешь говорить понятнее, а не как древний дух на полставки?

Обычно он бы ответил. Сейчас — нет. Взгляд у него стал совсем другим. Сосредоточенным. Холодным. И от этого у меня внутри всё подобралось.

— В мир вошло нечто чужое, — произнёс он наконец.

У меня по спине снова пробежал холодок.

— Чужое... это как?

— Не отсюда.

— Ну, знаешь ли, после некоторых событий это звучит не так уж эксклюзивно.

Он медленно перевёл на меня взгляд.

— Это не к добру.

И вот тут мне впервые по-настоящему расхотелось ехать в свой прекрасный самостоятельный Каннам. Потому что голос у Сеичи был как всегда спокойный. Но сейча он был... слишком спокойный.

А я уже успела понять: чем спокойнее он звучит в такие минуты, тем хуже на самом деле обстоят дела. Я машинально посмотрела на чемодан. Потом на него. Потом снова на чемодан.

И очень некстати подумала, что, возможно, мой великий план по красивой независимости откладывается. Или, наоборот, только начинается.

ГЛАВА 5 ЛГУНЬЯ, ЗМЕЙ И СЛЕПАЯ ЯРОСТЬ

ЭЛТАЭ. АКАДЕМИЯ ПРЕДТЕЧИ

Пещера содрогалась. Взмахи хвостов змеев разбивали воздух, крушили стены и срывали кристаллы. Те с треском обрушивались вниз, рассыпаясь острыми осколками и добавляя хаоса в и без того разрываемое яростью пространство.

Аширо замерла лишь на миг. Бой был слишком масштабен. И слишком близко.

В голове билась одна мысль — выжить и вернуть артефакт. Портал больше не работает, а значит, оставалось только одно — бежать. Сомневаясь в своей затее, она всё же рванула к постаменту, чтобы поднять упавший артефакт.

Именно в этот момент воронка вспыхнула снова.

С треском пространство разошлось и выплюнуло тело её кузена. Итой тяжело рухнул на камень, без движения. Жив — но на грани.

Этой доли секунды хватило, чтобы всё изменилось.

Змей Дахора ударил первым. Его противник, осознавая, что проигрывает и уже не сможет защитить свою хранимую, призвал человеческую сущность для перевоплощения.

Преображение началось. И в тот же миг последовал удар.

Хвост императора врезался в тело зверя с такой силой, что звук прокатился по всей пещере. Раздался хруст. Пространство будто вспыхнуло от этого слепящего удара.

Крик вырвался уже не из пасти зверя, а из человеческого горла. Даард рухнул на камень. И пещера будто на миг замерла вместе с ним.

Повсюду валялись обломки кристаллов, воздух был полон пыли и магической энергии. На полу остались лежать два бесчувственных тела — Итой и Даард.

В центре грота стоял Дахор Огненный. Его грудь тяжело вздымалась от напряжения.

Аширо отступила на шаг, прижимая к груди Сердце Пламени. Если сейчас не найдёт способ выбраться отсюда, её

план рухнет окончательно, а сама она останется в плену у могущественного Кровавого Змайса.

Наконец переведя дыхание, Дахор обратил на неё внимание. Его взгляд сузился, едва он увидел артефакт в её руках.

— Ты не уйдёшь, — тихо произнёс он.

В следующее мгновение магическая сила сковала её тело. Аширо чувствовала, как мышцы подчиняются чужой воле, и понимала: шансов на побег нет. Пока магия императора несла ее с кузеном над озером, она продолжала лихорадочно искать хоть какую-то лазейку.

Она даже не представляла, какую мощь в себе скрывает император ничейных земель.

— Кто стоит за этим?

Она не ответила. Не могла. И не собиралась.

Император уже был рядом, он сперва склонился к Итою — проверил, жив ли тот, затем подтянул эльфа к себе, заключая в кольцо хвоста. Потом переключился на Даарда.

— Держись, друг, — глухо произнёс он, уже понимая, что

времени почти не осталось.

Подняв взгляд к сводам пещеры, Дахор увидел, что обвал продолжается. Кристаллы всё ещё сыпались вниз, и каждый новый удар о камень отдавался гулом под ногами.

Он сосредоточил магическую силу и создал вокруг них защитный барьер. Тот вспыхнул, отражая падающие осколки и выигрывая им несколько драгоценных мгновений.

Но даже этого было недостаточно. Дахор поднял голову и посмотрел на Аширо.

— У нас нет времени, — произнёс он. — Ты поможешь мне вытащить их отсюда. Иначе сдохнешь здесь.

Своды снова дрогнули. Кристаллы посыпались с новой силой. Выбора не было. Аширо кивнула. Магическая хватка чуть ослабла.

— Итой на тебя. — после чего отобрал артефакт, царапнув острыми когтями ее кожу.

Затем поднял бывшего советника, больше не глядя в её сторону. Барьер продолжал трещать под напором падающих кристаллов, а он тем временем удерживал Даарда на грани,

вливая в него столько силы, сколько мог позволить себе в этот момент.

Пещера рушилась.

Они двигались сквозь обвал, через грохот, пыль и треск магии, на пределе собственных сил, с каждой секундой всё явственнее понимая, что промедление будет стоить жизни.

Когда они наконец выбрались на поверхность, их встретил холодный ночной воздух.

Только тогда Дахор обернулся к Аширо.

— Ты ответишь за свои действия, — сказал он.

Но в его голосе уже не было прежней ярости.

У Аширо кровь заглодела в венах. Её ждёт тяжёлое будущее, но в глубине души все еще тлеет надежда, что она сможет найти способ оправдаться или хотя бы смягчить своё наказание.

Площадь перед Академией, перед воротами в лабиринт быстро заполнялась магистрами и студентами, которые были встревожены сотрясениями и выбросами магии из подзе-

мелья. Видя императора с двумя ранеными и неизвестной эльфийкой все замерли, ожидая его указаний.

— Стражу ко мне! — громко приказал Дахор, и в ту же секунду из толпы выбежали несколько магистров и охранников.

— Доставьте ректора и советника в лечебное крыло немедленно. И отошлите вестник во дворец дознавателей— продолжал он, передавая Даарда в руки ближайшего стражника.

Магистры и стражники быстро подхватили Итоя и Даарда, и унесли их в сторону лечебного крыла Академии. Когда раненых унесли, он повернулся к Аширо.

— Изолировать.

Ни эмоций, ни капли сомнений. Толпа начала расходиться. Но напряжение осталось. Дахор вошёл в лечебное крыло.

— Живы? — коротко.

— Да, Ваше Величество. Но состояние тяжёлое.

Он кивнул и остался. Сел. Впервые за долгое время. В ру-

ках — кольцо. Тонкий железный ободок. Слишком простой для власти. Слишком опасный, чтобы отпускать.

Кто стоит за этим? Старые враги? Или новые игроки?

Он в задумчивости перебирал в руках железный ободок и обдумывал план по обеспечению безопасности неудачливой воровки. Ведь она была единственной ниточкой, которая может привести к ответам на все его вопросы.

Ему до скрежета в зубах надоело возиться с мятежниками, которые каким-то образом узнали на чем держится вся его власть

И он её не отпустит. Он устало откинул голову назад. Закрыв глаза. И надел кольцо на мизинец. Как же он устал.

Мысли снова и снова возвращались к событиям этого дня — к вестнику Итоя, к срочной просьбе прибыть в Академию Предтечи. А если учитывать всё, что произошло после... ощущение было одно — что-то не так.

Оставив друзей на попечение целителей, он не находил себе места. Слишком много странностей. Битва Воронка. Друг, потерявший сознание от боли. С учётом силы змайсов — даже такое ранение не должно было сломать его настолько.

Он не любил странности. А сейчас их было слишком много.

Движение у палаты Итоя отвлекло его. Целители сутились. Один из них — ха Кааиш — выполз на серебристом хвосте из комнаты и поспешил к магистру. Лицо его выдавало беспокойство.

Дахор поднялся сразу.

— Что случилось? — голос прозвучал низко и жёстко.

Кааиш поклонился и нервно сглотнул.

— Ваше Величество... ректор очнулся. Но его поведение... странное. Он не узнаёт нас. Задаёт вопросы... выглядит испуганным.

Дахор нахмурился. Страх — не то, что можно было ожидать от Итоя Хортара.

— Покажите.

Он вполз в палату и остановился. На кровати сидел не тот, кого он знал, высокомерный и расчётливый ректор, эльф с

растерянным взглядом. Слишком живым. И... чужим.

— Итой, — твёрдо произнёс Дахор. — Что происходит?

Тот вздрогнул. Повернулся. И в его глазах мелькнула паника.

— Я... не понимаю... — голос дрожал. — Где я? Кто вы?

Внутри Дахора что-то холодно сжалось.

— Ты не помнишь меня? — медленно спросил он. — Я Дахор. Твой друг. Император.

Эльф замер и ещё сильнее побледнел.

— Я... ничего не помню.

ДАША

Я очнулась, чувствуя головокружение и странную тяжесть в теле. Попыталась открыть глаза и осмотреться, но увиденное меня немного шокировало.

Последнее, что я помню — я была в машине, на ралли. А сейчас... я в каком-то странном помещении с витражными окнами. Вокруг стоял тяжёлый запах разнотравья и чего-то ещё.

К тому же мои руки... Ставшие необычайно длинными и тонкими. С изящными, вытянутыми пальцами. И покрытые бледной кожей.

Я попыталась поднять ладонь к лицу, чтобы рассмотреть и понять, что именно меня смущает в этой картине. Но стоило приподнять руку от кровати больше чем на десять сантиметров, как грудь пронзила острая боль.

Ладонь всё же коснулась... но не лица. Солнечного сплетения.

И груди.

Плоской.

Без соответствующих выпуклостей.

— Что за чёрт...

Горло сжал спазм. Я попыталась вспомнить последние

мгновения перед пробуждением. Ралли. Сашка. Яркий свет. Потеря управления.

А затем... Мысли оборвались. Дверь открылась. И внутрь... вполз лысый дедок. Сухощавое тело покачивалось из стороны в сторону, как камыш на ветру, пока этот... индивид... полз ко мне.

Живо так полз.

На змеином хвосте.

— Кто вы и что вы со мной сделали? — голос прозвучал хрипло и тонко, и я тут же снова вспомнила про отсутствие груди... и странные руки.

Из-за шока я пока даже не паниковала. Но это временно. Уверена, через пару минут меня накроет истерика.

Хотя... судя по всему, в истерику сейчас скатится и этот... этот... наг?

Дед затрясся от моих слов и молитвенно сжал ладони. Вид того, как его хвост стремительно перетекал под ним, пока он стоял на месте, вызывал где-то глубоко внутри такое отвращение, что меня едва не вывернуло.

— Что... вы... — я из последних сил сдерживала рвоту,
— со... мной... сделали?!

Последнее слово я буквально прорычала. Красивым бари-
тоном.

Ик.

Призывы к рвоте резко исчезли. Как и сам дед. Секунду
назад был — и нет его. Даже не услышала его шепелявого:
«Сссекунду».

Так, Дашка. Вдох. Выдох. Дышим ровно. Мысли текли вя-
ло, эмоции словно подмёрзли, но привычный способ гасить
истерику я повторила на автомате.

На всякий случай. А то, что это как раз тот самый «всякий
случай», интуиция орала во весь голос, размахивая транспа-
рантом.

Я медленно опустила дрожащую ладонь вниз.

К паху.

Рука то тянулась, то резко отдёргивалась. Я боялась под-

твердить. Очень боялась. Но всё же... Коснулась.

И...

В этот самый момент в комнату вползло ОНО. Точнее — он. Наверное. Мой зарождающийся крик застрял в горле. И если я думала, что сильнее офигеть уже невозможно — он посмотрел на меня с самой настоящей тревогой в глазах.

— Итой, — начал он, голос твёрдый, сдержанный. — Что происходит?

Имя «Итой» мне ничего не говорило.

Но обращался он явно ко мне. К мужчине. Судя по... хозяйству, которое я от шока сжала сильнее, чем следовало.

Резкая боль, до звёздочек в глазах, моментально привела в чувство. Мысли, разбежавшиеся в панике, резко собрались обратно. Этот... ползучий монстр ждал ответа.

— Я... я не понимаю... Что здесь происходит? Кто вы? — голос вышел слабым, дрожащим. Краем глаза я заметила, как в его зрачках на мгновение мелькнул красный отблеск.
— Нничего н-не помню...

ДАХОР

И вот тогда тишина в палате стала совсем иной. Неправильной.

Не помнит ничего?

Дар Дахора отозвался мгновенно — едва заметным, но отчётливым внутренним уколом. Ложь. Слабая, неровная, будто Итой сам до конца не контролировал, как именно подаёт её. Но всё же ложь.

Император ничего не сказал, только смотрел.

Итой слишком хорошо знал, кто перед ним стоит. Слишком хорошо знал о его даре. Значит, если он всё же решился солгать, у него либо есть причина, либо он находится в таком положении, где правда для него опаснее.

Мысли змайса лихорадочно перебирали варианты. Магическое воздействие, вмешательство в разум, принуждение и почти сразу — эльфийка. Та самая, пойманная в подземелье.

— Хорошо, — голос снова стал жёстким. — Разберёмся.

Он повернулся к целителю:

— Наблюдать. Успокоительное. Без ошибок.

И вышел, он остановился в коридоре лишь на секунду. Теперь сомнений не осталось, это не случайность.

Мятежники сменили тактику. Если не могут добраться до артефакта — бьют по опоре. По тем, кто держит его власть. Жалость исчезла, окончательно. Если раньше он был готов действовать мягче — теперь нет. Он выбьет из неё всё. До последнего слова и вздоха.

— Ваше Величество...

Голос Кааиша снова, слегка дрожащий.

— Саш Маарц очнулся...

Дахор сразу понял: разговор будет непростым. После сцены с Итоем это ощущение только усилилось. Слишком много странностей для одной ночи. Сначала друг, который солгал ему в лицо, прекрасно зная о даре императора чувствовать ложь.

Теперь — другой друг, очнувшийся после ранения, которое само по себе не должно было сломать змайса окончательно, но всё же выбило его из равновесия.

Да, зрение он потерял, но это не приговор. Со временем регенерация должна была восстановить глаза, как уже не раз восстанавливала и более страшные раны.

Вопрос был в другом — в каком состоянии сейчас сам Даард, что он помнит. И кого увидит перед собой, если инстинкты зверя ещё не до конца отступили.

ГЛАВА 6 НЕ СПЕШИ ЕЕ ЛОМАТЬ

Воздух в коридоре был холодным и влажным, пропитанным запахами зелий, крови и сырого камня. Где-то в глубине глухо капала вода. Тишина давила на виски, делая каждое движение слишком отчётливым.

Дахор остановился на пороге. Черны змайс сидел на кровати. Его руки беспокойно шарили в воздухе, будто пытались нащупать пространство и собрать его заново. Хвост медленно перетекал по полу, выдавая напряжение сильнее любых слов.

— Я чувствую... ты ссздесь.

Дахор вошёл, но держал дистанцию. Теперь он уже не мог позволить себе прежней беспечности. Слишком многое изменилось за эти месяцы.

— Вижу, ты очнулся, — спокойно произнёс он. — Как ты себя чувствуешь?

Бывший советник замер, слух его тут же обострился, ловя положение собеседника в пространстве.

— Ты сслишком далеко стоишь... — тихо, с ядом, протянул он. — Подойди ближе. Или боишься?

Это было почти как раньше.

Почти.

Император приблизился, но расстояние всё же сохранил. В груди неприятно кольнуло. И дело было не только в недоверии друга.

Проблема заключалась в том, что четыре месяца назад именно он, Дахор, заточил своего друга в лабиринте, потому что иначе было нельзя. Потому что не сумел до него достучаться.

И теперь... Теперь он больше не мог просчитать его до конца.

Между ними выросла стена. Невидимая, но ощутимая почти физически. И всё же Даард оставался тем, кто был ему нужен. Сейчас — особенно.

— Что последнее ты помнишь? — спросил Дахор всё тем же ровным голосом. — Мне нужно понять, что произошло.

Пауза вышла короткой, но тяжёлой.

— Вика...

Имя сорвалось с губ хрипом, будто вырвалось само. Император уловил это сразу, конечно, как иначе. Всё по-прежнему упиралось в неё.

Он ненадолго замолчал, взвешивая слова. В свете того, что произошло с Итоем, торопиться было нельзя. Одно неверное движение — и он потеряет ещё и своего советника.

— У Итоя есть—

— Итой? — голос друга изменился мгновенно.

Стал опаснее, жёстче и глубже.

— Где этот предатель ссс?

Дахор застыл. Слово прозвучало слишком быстро. Слишком точно. Он сам только что поймал Итоя на лжи, но ещё не успел придать своим подозрениям форму. Даард же, едва очнувшись, уже вынес приговор.

Его голос был тихим, лекарь у стены побледнел. Когда змайсы кричали, это ещё можно было пережить. Когда такие, как саш Маарц, начинали говорить тихо, разумные существа вспоминали о завещаниях.

Дахор не сдвинулся с места.

— Итой в соседнем крыле.

Хвост Даарда резко ударил по полу. Каменная плита треснула.

— Жив?

— Да.

— Доссадно.

Кааиш судорожно втянул воздух. Дахор бросил на него короткий взгляд:

— Останься.

— Ваше Величество...

— Я сказал — останься. Мне может понадобится кто-то, кто удержит его тело, если разум снова решит сдохнуть от упрямства.

Даард медленно повернул голову к императору. Слепые глаза ничего не видели, но от этого лицо бывшего советника казалось только страшнее. Словно зрение было лишним.

— Ты знал?

— Что именно?

Слепой змайс усмехнулся, без веселья.

— Не играй ссо мной, Дахор. Не ссейчас.

Император молчал.

— Ты знал, что он что-то замышляет? Врёт?

По поводу первого Император ничего сказать не мог. Что же касается лжи... Он сам только что поймал эльфа на ней.

— Да.

Черный хвост снова скользнул по полу. Медленно, почти

лениво, но именно от этой ленивости, лекарь ещё сильнее вжался в стену.

— И он всё ещё дышит.

— Он мой друг — Дахор сузил глаза. — И твой друг тоже.

Даард на миг замер. Потом губы его искривились.

— Был.

Император выдержал паузу, в его взгляде мелькнуло что-то тяжёлое :

— Ты не в том состоянии, чтобы выносить приговоры.

— Я в единственном состоянии, в котором их выносят честно.

— Он солгал мне, Даард. — Дахор приблизился стараясь донести свою мысль, со всем остальным они могут разобраться, вместе. — Мне. Зная мой дар. Думаешь, я этого не понял?

— Я знаю способы надёжнее, разгов.

Лекарь нервно сглотнул. Даард услышал и медленно повернул голову в его сторону.

— Боишшшься, ха Кааиш? — прошипел он.

— Саш Маарц... я...

— Правильно делаешшшь.

— Довольно, — жёстко сказал Император.

Его друг и некогда советник, снова повернулся к нему.

— Ты стал сентиментален. — полетел в его сторону упрек.

— Нет. Я стал императором.

— Раньше тебе это не мешало принимать быстрые решения.

— Раньше ты не просыпался слепым после четырёх месяцев безумия и не требовал отдать тебе нашего общего друга на растерзание.

Воздух между ними будто сгустился. Ослепленный змайс тихо произнёс:

— Он был рядом каждый раз. — каждое слово несло груз сожаления — Когда исчез артефакт. Когда умер мой брат. Когда Вика оказалась в Академии. Когда ловушка в гроте сработала не так, как должна была. Когда она исчезла у меня на руках.

Но Даард был бы не Даардом, если бы погрузился слишком глубоко в сожаления. Сейчас он хотел одного, мести. Поэтому голос стал ниже.

— И теперь он лжёт тебе.

На секунду воцарилась тишина, словно советник давал другу ощутить тот же вкус предательства, что ощущал сам.

— Сссмешно выходит.

Кровавый змайс смотрел на него тяжело. Потому что каждое слово бывшего советника ложилось туда же, куда уже легли его собственные подозрения.

— Я не отрицаю, что Итой что-то скрывает.

— Скрывает? — Даард почти ласково повторил. — Он соврал тебе в лицо.

— Да.

— Значит, он либо предал нас, либо защищает того, кто предал. — продолжал гнуть свою линию саш Маарц.

— Или находится под воздействием.

— И ты сам в это веришь?

Дахор не ответил сразу. И именно эта пауза стала ответом.

— Вот видишшшь. — тихо зашипел друг.

— Я вижу только то, что ты сейчас хочешь крови. А мне нужны ответы.

— Иногда одно помогает получить другое.

— Не от Итоя.

— Почему?

Дахор впервые повысил голос:

— Потому что это Итой! — Даард замер, даже хвост пе-

рестал двигаться, слишком нетипичное поведение.

От Дахора он ожидал угроз, приказов или расчета, но не этого. Император медленно выдохнул и уже тише продолжил:

— Он мерзавец. Интриган. Манипулятор. Эльф до кончиков своих проклятых ушей. Но он был с нами тогда, когда у нас не было ничего. Ни трона. Ни власти. Ни страны. Только три шеи, которые слишком многие хотели переломить. И я не позволю тебе убить его, пока не узнаю, почему он солгал.

— А если ответ тебе не понравится?

— Тогда я сам решу, как он умрёт.

Вот это Даард услышал, и оценил.

— Хорошшшо, — наконец произнёс он. — Значит, ты тоже ему не веришь.

— Я верю фактам.

— Удобно.

— Неудобно. Поэтому я ещё жив.

Даард едва заметно склонил голову.

— Факты. Тогда держи ещё один. В гроте была эльфийка.

— Знаю.

— С артефактом.

— Знаю.

— И Итой — эльф.

Дахор прищурился.

— Осторожнее.

— Я не обвиняю расу. — протянул друг — Я указываю на связь.

— Нет. Ты ищешь горло, в которое можно вцепиться. — император не повелся.

— И нахожу.

Лекарь, кажется, перестал дышать. Дахор бросил на него

ВЗГЛЯД:

— Кааиш. Приготовь успокоительное.

Саш Маарц медленно улыбнулся.

— Попробуешьшь влить в меня зелье — начну с тебя. —
лекарь предупреждению внял.

У него дёрнулся хвост. На этот раз в усмешке Даарда мелькнуло что-то прежнее.

— Всё ещё умеешьшь выбирать слова. — протянул он задумчиво.

— Приходится. Мой бывший советник очнулся и снова пытается сорваться с поводка.

— Я не на поводке.

— Поэтому и опасен. — возразил ему Кровавый змайс.

Даард чуть повернул голову, будто прислушиваясь не к комнате, а к чему-то внутри себя.

— Эльфийка где?

Дахор заметил слишком резкую смену темы.

— Изолирована.

— Жива?

— Да.

— Хорошшо.

Император медленно сузил глаза.

— Почему “хорошо”?

— Мёртвые хуже отвечают на вопросы. — был ему спокойный ответ.

— Только поэтому?

Даард не сразу ответил. Внутри, за пределами ясной человеческой мысли, что-то шевельнулось. Не так, как при мысли о Вике. И всё же иначе, чем должно было быть при мысли о враге. Чужая самка, эльфийка. Воспоминание о запахе страха, крови и магии. И чего-то ещё, неуловимого, саш Марц сжал пальцы.

— Она была рядом с артефактом. Значит, ее привел туда Итой.

— Это ещё не доказано. — заметил Дахор.

— Докажем.

— Как?

Даард повернул к нему лицо.

— Допросим.

— Я собирался. — макнул в очевидное Кровавый змайс.

— Нет. Ты собирался ломать.

— Если потребуется — сломаю.

— Не спеши. — з верь запомнил её запах, страх, прикосновение и то, что она была рядом с Сердцем Пламени.

Дахор замер, лекарь тоже. Слова сорвались раньше, чем он успел их обдумать. И это раздражало сильнее боли. Император смотрел на него теперь совсем иначе.

— Не спешить? — медленно повторил он, впервые за ночь он услышал не ярость потерявшего хранимую змайса, а защитный оттенок.

— Она связана с печатью. Древняя магия редко рвётся без последствий.

— Ты беспокоишься о последствиях для следствия?

— Да.

Дар Дахора молчал. Не ложь. Но и не вся правда. Интересно. Очень интересно.

— С каких пор ты стал настолько бережен с мятежницами?

— С тех пор как одна мятежница может привести меня к Вике.

Имя прозвучало как якорь. И Дахор позволил ему повиснуть между ними.

— Значит, так и сделаем, — наконец сказал он. — Сначала эльфийка. Потом Итой.

— Нет.

Хвост Даарда напрягся.

— Он солгал тебе.

— Именно поэтому он будет ждать. Пусть думает, что я сомневаюсь. Пусть думает, что у него есть время выбрать новую ложь.

Не дожидась ответ от своего бывшего советника Дахор продолжил:

— А эльфийка не знает моего дара так, как знает Итой. Она уже напугана. Уже ошиблась. И если между ними есть связь, выдаст её раньше.

Даард медленно вдохнул. Логика была ненавистно верной.

— Ты хочешшшь использовать её как наживку.

— Я хочу понять, почему два моих друга за одну ночь оказались сломаны по-разному.

Даард усмехнулся.

— Один солгал. Другой ослеп. Удачная ночь для империи.

— Не испытывай моё терпение.

— А ты моё.

Дахор приблизился, теперь расстояние между ними стало опасно малым.

— Слушай меня внимательно, саш Маарц. Я тоже хочу ответов. И если Итой предал нас, я не стану прятать его за прошлым. Но если ты сорвёшься раньше времени и уничтожишь единственную нитку, я снова запру тебя. И в этот раз не в лабиринте.

Даард чуть наклонил голову.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Я скучал по нашей дружбе.

— Взаимно.

На миг между ними мелькнуло что-то прежнее. Не мягкость и доверие. А привычка стоять спина к спине даже тогда, когда каждый готов перегрызть другому горло за неверное решение. Даард первым отвёл голову.

— Хорошшо. Сначала эльфийка.

Дахор не расслабился.

— При одном условии.

— Мне не нравятся условия.

— Переживёшь. Слова сорвались раньше, чем он успел их обдумать. И это раздражало сильнее боли. И ты не тронешь её без моего приказа.

— Если произнесёт имя Итоя?

Дахор задержал взгляд на его лице.

— Тогда мы оба будем очень внимательно слушать.

Даард медленно кивнул.

— А если подтвердится?

— Тогда Итой ответит.

— Перед тобой? — уточнил бывший советник.

— Перед нами.

Этого обещания было пока достаточно.

— Кааиш, — не оборачиваясь, произнёс Дахор.

Лекарь вздрогнул.

— Да, Ваше Величество?

— Зелье чувствительности. Не обезболивающее. Мне нужно, чтобы он ориентировался.

— Но саш Маарц только очнулся. Его зрение...

— Восстановится, — перебил Даард. — Не трать мой воздух на очевидное.

Кааиш побледнел ещё сильнее, но кивнул и поспешил к столику с флаконами. Дахор посмотрел на друга.

— Ты опасен.

Саш Маарц улыбнулся.

— Наконец-то хорошая новость.

Император устало выдохнул. Кааиш вернулся с флаконом. Черный змайс протянул руку безошибочно, хотя лекарь не издал ни звука. Тот вздрогнул, когда длинные пальцы с когтями сомкнулись на стекле.

— Не бойсся так громко, — тихо сказал Даард. — Мешает думать.

Кааиш поспешно отступил.

Даард выпил зелье. На несколько секунд замер, позволяя магической чувствительности разойтись по телу. Лицо стало жёстче. Сосредоточеннее. Мир вокруг, пусть и без зрения, снова начал приобретать очертания.

Дахор ждал.

— Готов? — спросил он.

Друг медленно повернул голову к двери.

— Веди.

— К эльфийке?.

— К ответам, — произнёс Даард.

И после короткого молчания добавил уже тише, почти ласково:

— А потом — к нашшшему другу.

**#несдавайся #сильнаягероиня #сильныйгерой #тем-
нофэнтези #любовьиопасность #эмоциональныекни-
ги #книжныйвайб #чточитать #фэнтезидляженщин
#романтикавкнигах**

ГЛАВА 7. ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ

Аширо едва переставляла ноги, следуя за группой магистров и охраны к одной из башен Академии. Мысли путались от усталости и отчаяния. Дахор Огненный — сильнейший из змайсов, победивший в битве и заполучивший артефакт, — теперь держал её жизнь в своих руках. Одного его слова было достаточно, чтобы всё закончилось.

У башни она невольно вскинула взгляд на массивные стены. Древний камень казался холодным даже снаружи — будто впитал в себя страх всех, кто когда-либо здесь оказывался. Тяжёлая дверь с глухим скрипом отворилась, и навстречу пахнуло сыростью и затхлостью.

Трудно было поверить, что в Академии — месте знаний, науки и магии — существует нечто настолько похожее на тюремное подземелье.

Её повели вниз.

Коридор уходил всё глубже под землю. Грубые каменные блоки освещались тусклыми магическими светильника-

ми, отбрасывавшими длинные тени. Каждый шаг отдавался эхом. Страх снова подступил к горлу, но Аширо заставила лицо остаться неподвижным.

Бояться было опасно, нужно было думать.

У камеры она всё же содрогнулась. Железная дверь, тяжёлые цепи и массивные замки. Внутри — тесное пространство, почти лишённое света, если не считать слабого свечения магического барьера.

Её втолкнули внутрь.

Холодные цепи сомкнулись на запястьях и щиколотках, приковывая к стене. Железо оказалось зачарованным — Аширо сразу почувствовала, как оно тянет из неё магию, лишая даже призрачной надежды на заклинание.

Цепи держали тело. Печать — язык. И впервые за долгое время она не знала, что страшнее.

«Как такое вообще возможно? Почему в Академии есть подобное место?»

Может, темница существовала задолго до самой Акаде-

мии. Может, здесь держали тех, кто представлял опасность для власти. А может, тех, кто знал слишком много.

Сейчас это уже не имело значения.

Её план провалился. Если Кровавый Змайс не убил её сразу — значит, шанс всё ещё оставался. Нужно было найти новый ход.

Силой не выбраться, магией — тоже. Оставались ум, хитрость и интрига.

Она вспомнила слова матери, сказанные когда-то в детстве:

«В самой безвыходной ситуации всегда есть слабое место. Найди его — и выживешь».

Слабое место. Темница? Охрана? Кто-то в Академии? Итой? Бывший советник?

На последней мысли Аширо едва не усмехнулась от собственной глупости.

Да саш Маарц сам её сожрёт, как только поймёт, что она обманула его зверя.

Цепи холодели всё сильнее, вытягивая силы и погружая тело в тяжёлое оцепенение. Предрассветный холод пробирал до костей.

Но хуже всего была печать.

На предплечье, скрытая под тканью и магией, тяжело лежала печать долга — клятва, навязанная матерью и драконами. Любая попытка выдать их обернётся смертью. Аширо знала это слишком хорошо. Она видела, что случалось с теми, кто пытался пойти против подобных уз: одних рвало магией изнутри, другие сходили с ума.

Никакие пытки не заставят её говорить. И не потому, что она выдержит, а потому что она **не сможет**.

Её могут ломать снова и снова, а она всё равно будет молчать.

«Что мне делать?..»

Ответа не было. Только холод. Камень. Цепи. И ожидание.

Мысль о магах Кровавого Змайса вызвала новый приступ дурноты. Они умели пытать не только тело. Они мог-

ли добраться до разума — до воспоминаний, страхов, сокровенных мыслей. Разрушить душу изнутри, чтобы вытащить правду.

Слёзы выступили на глазах, но Аширо зло моргнула, прогоняя их.

Нет. Выжить. Как можно дольше. А потом — найти способ избавиться от печати. Она не знала, сколько прошло времени, когда в глубине коридора вдруг зазвенела связка ключей.

Аширо вскинула голову. Шуршание хвостов.

Через несколько секунд в свете факелов у решётки возникли три огромные фигуры: незнакомый змайс, сам император... и третий — слепой саш Маарц.

Бывший советник двигался уверенно, держась чуть правее от Кровавого Императора. Лицо его оставалось неподвижным, но Аширо заметила, как он пробует воздух в камере, ловя запах. На мгновение пальцы с отросшими когтями судорожно сжались — и тут же расслабились.

Неужели он всё ещё принимает её за свою сэйру?

Мысль была слишком безумной, чтобы поверить в неё сразу. Но если это правда... его зверь может потребовать защищать её любой ценой.

Именно так он сейчас и выглядел.

В нём не было ни тени вальяжности, с которой в камеру вползли император и сопровождающий. Саш Маарц был напряжён. Собран. Готов действовать.

И в тот момент, когда надежда, умершая пару часов назад, снова шевельнулась в груди, Аширо заметила игру огня на его висках — лёгкую щетину, неровно пробившуюся на коже.

Сердце дрогнуло. Это был не план, пока нет. Скорее трещина в стене, в которую можно было вбить ногти.

Но Аширо впервые за эту ночь поняла: она ещё не проиграла. Сердце дрогнуло, в голове начал складываться план.

Когда они вползли в камеру, Даард сразу почувствовал запах.

Не увидел — зрение пока оставалось мёртвым, выжжен-

ным недавним ударом. Но мир всё равно раскрывался перед ним иначе: шорохом цепей, тяжёлым дыханием лекаря за спиной, ровным скольжением Дахора по камню, холодом стен, дрожанием магических плетений.

И запахом пленницы. Слишком знакомым и слишком неправильным. Зверь внутри него вздрогнул первым. Поднял голову, расправляя в сознании чёрные кольца инстинкта. **Хранимая.** Даард застыл лишь на долю секунды.

Нет. Не Вика.

Он знал это кожей, кровью, тем остатком разума, который не позволил ему окончательно сорваться ни в гроте, ни после пробуждения. Но зверь уже уловил знакомый след — одежда, чужой запах, остатки того, что принадлежало его сэйре.

И этого оказалось достаточно, чтобы вызвать желание разорвать любого, кто подползёт слишком близко. Даард медленно сжал пальцы, чувствуя, как проступают когти. Заставил себя разжать ладонь. Один палец. Второй. Третий. Не время.

Он скользнул ближе к Дахору, будто выбирая более удобное положение для допроса. На деле — занимая точку, из которой можно было перехватить и императора, и пленницу,

и собственного зверя.

Вот это ему уже не понравилось. Себя он привык контролировать. Даже в ярости и на охоте. Даже когда кровь требовала броска. А сейчас инстинкты тянулись к эльфийке, которую разум уже записал в список угроз. Он не любил, когда его обводят вокруг пальца.

— Ты знаешь, кто я, — начал Дахор глубоким, ровным голосом, от которого воздух в камере будто стал тяжелее. — И знаешь, зачем я здесь. Ты обвиняешься в измене. Твоя жизнь зависит от того, насколько честной ты будешь со мной.

Цепи звякнули, пленница подняла голову, но молчала. И это молчание было умным.

Вика тоже умела молчать, когда просчитывала ситуацию. Но её молчание было другим — колким, живым, упрямым, будто она уже держала за пазухой три возражения и одно оскорбление на всякий случай.

Здесь же пахло расчётом. Изворотливая тварь. Умная. Слишком умная, чтобы не заметить, как зверь внутри него отозвался на украденный запах. Она стояла скованная, обессиленная, с магией, вытянутой цепями почти досуха, но даже в таком положении искала не жалость.

Рычаг. И, кажется, нашла.

— Я не знаю, о чём вы говорите, Ваше Величество, — произнесла она тихо, нарочно опуская голос до почти безжизненного шёпота. — Я не причастна к тому, в чём меня обвиняют.

Даард едва заметно повернул голову. Голос. Не тот, очевидно она боялась говорить громче. Значит, понимала: голос выдаст её быстрее запаха.

Зверь внутри недовольно зашипел. Ему не нравилось, что человеческая часть разбирает самку на признаки обмана вместо того, чтобы сорвать цепи и вынести её из камеры.

Наша. Нет. Даард втянул воздух глубже.

Под чужим следом проступала эльфийская примесь. Холодная, сухая, чуть терпкая. Не резкая — она хорошо подготовилась. Скрыла себя почти безупречно.

Почти. Но он был не молодым самцом, которого можно обвести вокруг пальца тряпкой с чужим запахом. И если бы не зверь, давно бы уже улыбнулся, предвкушая как откусит ей голову.

— Довольно странное заявление для той, кого поймали на горячем, — заговорил капитан имперской стражи. — Прикажете начать пытки, Ваше Величество?

Дахор приподнял бровь. Его дар уже должен был отозваться. Ложь эльфийки была слишком ровной, слишком ожидаемой, чтобы удивить. Но Дахора занимало не это. Его интересовало, зачем она врёт так открыто, зная, что перед ней император, способный чувствовать ложь.

— Приступай, — коротко приказал он.

Капитан не сразу двинулся.

На лице змайса ничего не изменилось, но хвост выдал его раньше слов: коротко дёрнулся, скользнул по камню и замер слишком жёстко.

Самка, женщина. Пусть и эльфийка, но она мятежница, воровка и возможно — предательница.

Но всё равно самка. Сама мысль о том, чтобы ломать самку, оставляла во рту горький привкус. У змайсов такое не любили. О таком не говорили за столом. Такое делали только по приказу, когда государство оказывалось выше инстинкта.

А приказ императора не обсуждают.

— Как прикажете, Ваше Величество, — глухо произнёс он и двинулся к артефакту в стене.

И в ту же секунду хвост Даарда ударил без предупреждения. Капитана швырнуло в противоположный угол камеры так, что камень под ним глухо хрустнул. Тот осел на пол и несколько мгновений не шевелился.

#несдавайся #сильнаягероиня #сильныйгерой #темнофэнтези #любовьиопасность #эмоциональныекниги #книжныйвайб #чточитать #фэнтезидляженщин #романтикавкнигах

ГЛАВА 8. НЕ МОЯ. НО ТРОГАТЬ НЕЛЬЗЯ

В камере стало очерь тихо, советник понял, что сделал, сразу. Император медленно повернул голову.

— Даард.

В голосе императора был только интерес и... настороженность.

— Твой зверь считает её хранимой?

Даард молчал. Ответ был очевиден. Но очевидное не всегда было правдой. На долю секунды запах действительно ударил по крови так, будто за спиной была Вика. Его сэйра. Его потеря. Его незакрытая рана. На долю секунды. Не больше.

А потом разум успел поставить вопрос: **чем именно её пропитали?**

— Ты хочешь её защитить?

Тело не слушая доводов разума само выбрало позицию.

Даард скользнул вперёд и замер между пленницей и императором, приподнявшись на мощном изгибе хвоста. Спинай к скованной самке. Лицом к угрозе.

Непростительная ошибка. Хищник не поворачивается спиной к обманщице. Но зверь был доволен. Он ощущал за собой слабую, скованную, пахнущую страхом самку — и считал, что теперь всё правильно.

— Не тронь её, — произнёс Даард низко.

Голос вышел слишком глухим. Слишком близким к свисту. Он это услышал. Дахор тоже.

— Она... напшшша.

Слова сорвались инстинктивно. Но пленица не была глупой. В запахе её страха на миг вспыхнуло торжество. Едва заметное, почти неуловимое, но Даард поймал его по дыханию.

Она решила закрепить успех.

— Даард, пожалуйста, не дай им меня убить...

И ошиблась. Голос поднялся выше на октаву. Совсем

немного. Но достаточно, чтобы Даард застыл и наконец пришел в себя. Спина окаменела. Не так, Вика никогда не просила так.

Она спорила. Провоцировала. Дразнила. Торговалась. Лгала, если считала нужным. Изворачивалась, когда её загоняли в угол. Но не становилась слабой по заказу.

Единственный раз, когда она умоляла, был тогда, когда решила, что он убьёт ха Сфаша. Тогда в её голосе была не просьба о себе. Не желание жить. Не попытка понравиться. Там был ужас потерять другого. И готовность уйти следом.

А эта самка просила за себя. Показывала беззащитность, как наживку.

— Интересссно, — почти пропел Дахор.

Император всё понял. Конечно, понял. Он мог быть вспыльчивым, жестоким, уставшим, но дураком не был никогда. Он увидел то же, что и Даард: эльфийка попыталась стравить их между собой.

— Даард?... — снова позвала она, теперь осторожнее.

Слишком поздно.

Запах Вики всё ещё цеплялся за ткань, за волосы, за кожу пленницы. Но под ним сильнее проступала правда: эльфийская кровь. Страх. Пот. Боль. Драконья магия где-то глубже, под кожей, как выжженная удавка.

И ещё что-то. Слабое. Живое. Тёплое. Зверь откликнулся на это иначе. Не как на Вику. Не как на прежнюю сэйру. Но и не как на чужую.

Даард сжал зубы.

Шарх.

Вот только этого ему не хватало.

— Ты... — произнёс он тихо.

Аширо дёрнулась назад, насколько позволили цепи. Он подался к ней всем корпусом, и хвост с глухим шорохом скользнул по камню.

— Ты решила, что можешь использовать моего зверя?

Голос стал не громче. Но в камере от него похолодало. Да-хор успел первым. Сместился за спину Даарда и перехватил

его под руки, не позволяя рвануть к пленнице.

— Тихо. Не сейчассс.

— Отпуссти.

— Нет.

— Дахор.

— Я сказал — нет.

Даард дёрнулся, хотя и не в полную силу. Если бы в полную — даже Дахор не удержал бы его без полного оборота. Но сейчас внутри шла другая борьба.

Человек хотел сомкнуть пальцы на тонкой эльфийской шее и вытрясти из неё правду. Зверь хотел разорвать цепи. И оба ненавидели друг друга за слабость.

— Она обманула, — прошипел Даард. — Пыталась стравить нас.

— Да.

— Тогда почему она ещё дышит?

— Потому что мёртвые плохо отвечают на вопросы.

Эта фраза была ненавистно правильной. Советник замер. Дахор почувствовал это и чуть ослабил хватку, но не отпустил полностью.

— Подумай, — тихо сказал император. — Ты хочешь её смерти. Твой зверь — нет. А мне нужна правда. Из нас троих сейчас только я последователен.

Даард медленно выдохнул.

— Самодовольная ящерица.

— Живой император, — поправил Дахор. — И пока ты не пришёл в себя, этого достаточно.

Капитан, которого отбросило в угол, с трудом поднялся.

— Ваше Величество... указания?

Дахор посмотрел на Даарда.

Тот замер у стены, тяжело дыша, слепой, бледный, опасный даже в ослабленном состоянии. Лицо снова стало холод-

ным, но хвост выдавал напряжение — медленно, почти бесшумно скользил по полу, словно искал, что удержать.

Или кого.

— Начинай, — приказал Дахор.

Артефакт в стене вспыхнул. Магическая волна ударила по Аширо. Она закричала. Даард дёрнулся всем телом но, не бросился. Дахор это конечно же заметил.

Боль пленницы прошла по зверю, как чужой коготь по живой чешуе. Вторая сущность вскинулась, требуя прекратить. Не потому, что верила ей полностью. Уже нет. Но потому, что в цепях была самка, которую зверь успел отметить как свою проблему.

Свою. Даард с силой вдавил когти в ладони. Боль помогла. Ненадолго.

— Достаточно, — сказал Дахор, поднимая руку.

Артефакт погас. Эльфийка обмякла на цепях, судорожно стягивая воздух. Боль ещё ходила по телу волнами, но она заставила себя поднять голову.

Упрямая.

Даард услышал, как она сглотнула кровь или слюну — слишком тихо, чтобы кто-то другой заметил. Услышал, как её дыхание стало рваным, но не сломленным. Она умела держаться. Плохо. Таких ломать сложнее. И уважать опаснее. Дахор скользнул ближе.

— Ты поняла, что я не шучу. Это было только начало. Говори.

— Я ничего не скажу — выдохнула пленица, когда боль отпустила настолько, что она смогла собрать голос. В нём дрожали злость, страх и отчаяние, но сломленной она не выглядела. — Вы ничего не добьётесь.

Дахор хмуро посмотрел на неё. Ему не нравилось применять силу к самкам. Даард это знал. Но “не нравилось” не значило “не будет”.

Дахор был императором. А императоры не всегда могут позволить себе быть теми, кем хотят.

— Ты всё больше врёшь — тихо произнёс он. — И пытаешься нас запутать.

Даард слушал её дыхание. Паузы. Ритм сердца. Тонкие изменения запаха. Она боялась. Не смерти — нет. Смертью её не удивишь. Она боялась сказать. Боялась даже подумать в нужную сторону.

Вот это уже было интересно.

Дахор поднял руку. На коже вспыхнула магическая печать, и поток силы обвил пленницу, заставляя её тело снова содрогнуться. Эльфийская регенерация попыталась ответить, но магия тут же прорвала тонкие сосуды — запах крови наполнил камеру.

Кровь ударила по Даарду сильнее, чем крик. Эльфийская. Живая. С примесью драконьей магии.

И всё же под этим — странно тёплая. Зверь замер. Даард тоже.

На миг они оба ощутили одно и то же: эта самка не просто мятежница. На ней чужая удавка. Чужой след, въевшийся глубоко, почти в душу.

— Зачем тебе терпеть эту боль? — холодно произнёс Даард.

Голос снова стал его. Тихий. Ровный. Опасный. Дахор чуть повернул голову. Он тоже слышал перемену.

— Рассказывай всё, что знаешь.

— Кто послал тебя? — добавил Дахор. — Какую роль ты играешь в заговоре?

— Я... — прозвучало тихий голос, что резко сменился на хрип.

Дахор подплыл ближе, внимательно рассматривая её. Затем его взгляд опустился к руке пленницы.

— Печать должника, — произнёс он тихо.

Эльфийка побледнела. Даард слышал, как изменилось её дыхание. Как сердце на миг сбилось. На её предплечье, скрытая магией и тканью, проступила тонкая выжженная метка.

— Вот и ответ, — сказал Дахор. — Мы действительно не узнаем от неё правду обычным способом.

Даард медленно втянул воздух. Драконья магия. Древняя. Грязная. Слишком сильная для такой хрупкой оболочки. Она боялась не только их.

Она боялась того, кто уже держал её за горло.

— Печать не позволит тебе говорить, — продолжил Дахор. — Кто бы ни стоял за тобой, он хорошо защитил свои секреты.

Пленица попыталась усмехнуться, получилось плохо.

— Это неважно. Вы всё равно не узнаете того, что хотите.

— Узнаю, — спокойно сказал Дахор. — Мы ломаем печать.

Вот тогда её страх стал почти осязаемым. Сырой. Острый. Настоящий. Даард медленно повернул голову к Дахору. Шарх.

— Не так, — резко произнёс он.

Но было поздно. Магия Дахора коснулась печати. Камеру разорвала вспышка. Элфийка закричала так, что зверь внутри Даарда бросился на этот звук всем существом.

Волна силы ударила во все стороны. Дахора отбросило назад. Каменные стены содрогнулись, потолок пошёл трещинами, а воздух стал густым и вязким, словно само время на миг захлебнулось магией.

Даард устоял только потому, что хвост инстинктивно вцепился в пол.

Слепота вдруг стала почти преимуществом: свет не ослепил его, не отнял драгоценные мгновения. Он слышал, как рушится камень. Как стражник кричит. Как Дахор ударяется о стену. Как цепи натягиваются под весом её тела.

И как над ней трескается потолок. Зверь не спрашивал. Даард тоже. Он рванул вперёд всем телом. Хвост хлестнул по камню, выбрасывая его к пленнице с такой скоростью, что воздух рассёкся свистом. Огромный обломок рухнул туда, где ещё мгновение назад висела Аширо, но хвост Даарда уже обвил её за талию и рванул в сторону.

Цепи не выдержали — не от силы магии, от силы змайса. Металл взвизгнул, вырываясь из стены вместе с креплениями.

Эльфийка ударилась о его грудь, почти безвольная после

вспышки. Даард на секунду сжал её слишком крепко. Слишком собственнически. Понял это и разозлился.

— Не умирай раньше допроса, — прошипел он ей почти в лицо.

Она попыталась что-то ответить, но только закашлялась.

— Уходим! — рывкнул Дахор, поднимаясь среди осыпающихся камней. Его голос срывался от напряжения. — Сейчас!

Потолок снова треснул. Пол пошёл глубокими разломами, магические светильники один за другим гасли, погружая темницу в рваный полумрак. Даард повернул голову к Дахору.

— Итой.

— Под охраной.

— Если сбежит—

— Не сбежит!

Новый удар. Камни посыпались между ними. Даард креп-

че перехватил самку хвостом, чувствуя, как зверь внутри довольно сжимает кольца вокруг найденной самки.

Живая.

Даард стиснул зубы. Не найденной. Не своей. Пленницы. Свидетельницы. Нити к заговорщикам... И возможно... к Вике...

Только так.

— Держись, эльфийка, — сказал он холодно. — Второй раз я тебя ловить не стану.

И, не дожидаясь ответа, рванул к выходу вслед за Дахором, пока за их спинами темница окончательно рассыпалась в каменную пасть.

#опаснаялюбовь #властныегерои #драма #предательство #внутренняяборьба #судьба #магиякровь #запретныечувства #книжныерекомендации #фэнтезиroman

ГЛАВА 9. ПЛЕННИЦА ЕГО ЗВЕРЯ

ДО ОБВАЛА ДАША

Определенно я оказалась в чужом мире, в чужом теле и теперь мне предстоит разобраться, как вернуться назад.

Мамочки...

Змеехвостый дед послушался монстра— императора и живо принес мне маленький бутыл с противным варевом. Мои руки тряслись когда я забирала предложенное лекарство, но стоило его выпить как изнутри по всему телу прошёлся освежающий ветерок и в моей голове стало пусто, а из груди исчезла тяжесть.

Это полный треш. Другой мир. Он существует.

Я своими глазами наблюдала за тем, как на своих хвостах передвигаются наги. Никакая графика нашего мира не способна передать силу их мощных конечностей, которую ты чувствуешь на расстоянии и это только при взгляде на то, как перекачиваются под змеиной кожей мышцы хвоста.

Ни за какие коврижки нельзя спутать нага и человека. Да-

же если прикрыть змеиный хвост...торс...руки ...голова, хоть и выглядят вполне человечно, они существенно отличаются. Сразу видно другая раса, нет другой вид...тут все другое....

Кстати об этом...

Я с тоской и сожалением оглядела своё новое тело, прикрытое покрывалом... заглядывать под него, пока была не готова.

Я теперь тоже другая...другой...Это какой— то сюрреализм...я мужик...

Не сдержавшись, всхлипнула...

Даже если отбросить в сторону произошедшие со мной изменения, я не знаю кто я теперь...

К какой расе принадлежу? Как мне обезопасить себя до тех пор, пока я не найду способ вернуться домой, вернуть саму себя?

И вообще, чего мне стоит опасаться, находясь здесь? И как тут вообще относится к чужеземцам и тем более попанданцам? Точнее подселенкам? Неужели на костре сжигают, захватчиков чужих тел?

Мама

«Так, Дашка, успокойся накрутить себя ты всегда успеешь и в добавок поседеешь.»

Вдох и выдох

То, что я мужик, уже определила, но к какой расе принадлежу? Точно не к нагам, у этого тела две длинные конечности....

...с красивыми пальчиками на ногах.

О звёзды, о чем я думаю вообще?!Ааа

Схватила за голову, поражаясь самой себе, но потом мне стало не до шуток, я нащупала аккуратные ушки, которые сужались ближе к затылку. Стоп... что— то это мне напоминает...я что ...эльф?!

Меня расперло на поржать...

Определенно в том флакончике с варевом было не только успокоительное, и что— то еще покрепче. Ведь не могла ведь в мою трезвую голову лезть всякая дичь. Сейчас сами

оцените мое состояние

Я мужик...к тому же эльф...Нет, это определённо какая—то насмешка судьбы. Ощупала свои бицепсы и трицепсы, не поленилась лечь на бок, ощупала шикарную пятую точку... Да я секси...

Пока я билась в припадке в палату вновь заполз змеехвостый дед. В этот раз он был... очень нервным.

— Господин Хортар! Беда! — голос нервного полузмея вернул меня в реальность, попросту не оставив времени на панику — Беда-а-а!

Мысли бегали всполошенными зайцами, но отреагировать хоть как-то я была обязана

— Не части, что случилось? — пришлось схватить за руки пожилого мужчину, который страдальчески впился пальцами в покрывало, которое прикрывало мои бедра. — Ну?!

— Беда-аа- а... В наших стенах было совершено покушение на императора. Что с нами теперь будет. — завыл он не своим голосом.

— А теперь медленно и по порядку расскажи, что произо-

шло — сама не верила тому, что говорю, но ситуация выбора мне не оставляла. — Император хоть жив?

Возможно, будь у меня больше времени на обдумывание ситуации я бы скорее всего воспользовалась хитроумным ходом всех попаданок, заявила бы об амнезии. Прикрыла бы нетипичное поведение данного тела потерей памяти... Затем медленно, под шумок адаптировалась бы под новые реалии.

Но внутреннее чутье подсказывало — это не мой вариант. Нападение на императора, странное поведение его друга (то есть — меня) может заставить окружающих, и местные спецслужбы, заинтересоваться моей персоной. И это в лучшем случае.

Значит выход у меня один...драпать отсюда на всех парах.

— Не произошло, а сейчас происходит! — убил все мои планы на корню этот змей — Вы должны что- то сделать!

Что я могу сделать?! Крикнуть "да будет свет"?! Опять вернулся соблазн к варианту с амнезией. И бежать и еще раз бежать.

Но кто бы мне только дал воплотить задуманное?

В этот самый момент дед снова схватился за мою руку. От прикосновения к открытому участку кожи, мою разум стали наполнять образы разных вероятностей будущего, с участием этого змеелюда и меня заодно.

— Веди — ощущая тяжесть нового тела, попыталась придать лицу максимально серьёзное выражение, не смотря на чувство обреченности.

Крышка.. мне крышка.

— Нехорошие новости, господин. Ваше состояние... — дедок замялся, увидев с каким трудом я поднималась с кровати, — Я помогу вам привести себя в порядок, но вы должны выйти во двор. Это дело не терпит отлагательств.

Мне совершенно не хотелось идти туда, куда он меня вел. Скрывая растерянность, я приняла помощь полужмея. Его руки были ловкими и сильными, он ловко помог мне надеть одежду.

Я же во все глаза смотрела в распахнутое окно, которое было обращено на восток в сторону какой-то башни. С удивлением отмечая, как каменную конструкцию поглощает полупрозрачный купол. Может все обойдется,а?

— Магистры уже собрались? — не своим голосом спросила, что-то во мне будто отсчитывало время к началу эпических действий снаружи.

Я даже опешила от такого поворота, ведь в действительности не планировала ничего спрашивать, оно само собой как-то получилось.

— Да господин Итой,— тихо проговорил дед суетливо застегивая манжеты на моих рукавах — Сейчас они должны уже были воссоздать купол, чтобы не дать стихийным вспышкам разрушить академию. Также господин Аш-Шарес на всякий случай возглавил остатки имперской стражи, чтобы не дать выбраться наружу заговорщикам.

— Так что случилось с Императором? — опять произнесли мои губы, пока я наблюдала за электрическим вспышками под куполом.

— Так он ведь вместе с бывшим советником... отправился в подземелье допрашивать эльфийку. — в этот самый момент дедок выводил наши будущие мощи в коридор и на выход.

Странная слабость этого тела меня не отпускала. Только я знала, что мы идем на заклятие. Как только мы выйдем

дедушке настанет конец, а я окажусь под завалом под грудой камней.

Знала бы раньше сбежала бы ещё в тот момент когда меня успокоительным напичкали. Нее.., притворяться эльфом-ректором — это мой прямой путь к гранитной плите.

Когда мы вышли во двор, я мгновенно почувствовала смену атмосферы. Возможно, это было влияние нового тела, чувствительного к магии, или же напряжение, не покидающее меня.

Я изо всех сил старалась найти любую лазейку как отсюда сбежать. Мимо пробежала парочка стражей. Может сказать..что мне нужно отлить?.. Рядом небольшой сквер как раз находится.

— Господин Итой давайте поторопимся, — стонал блаженный, даже не осознавая, что таким способом торопит свою гибель — Необходимо, чтобы вы призвали стражей и погрузили в стазис часть академии. Пока не поздно, необходимо спасти императора.

Мама дорогая...что за западня?! Я не знала, ни заклинаний, ни как применить магию.. И как в принципе выполнить то, чего от меня хотел этот змеелюд. Аааа

Не успели мы сделать последний шаг со стороны сквера, как пространство вокруг нас задрожало и послышался агонизирующий крик будто бы из недр земли. Каменная брусчатка которой был устлан двор вокруг башни, начала где ни где подниматься, и просто выстреливать в небо.

“Началось...” — прошелестел в голове неизвестный голос.

От неожиданности я подвернула ногу, хотя в этот самый момент хотела дать деру, чтобы избежать участи угодить под обвал, который с секунду на секунду должен тут произойти.

— Аааа! — заорала я то ли от шока, от того, что в моей голове еще кто-то есть, то ли от страха, потому что в этот самый момент земля начала уходить из под ног в глубь, а башня рушиться.

ДААРД

Разлом раскрылся под ними без предупреждения. Сначала был грохот — тяжёлый, нутряной. Потом пол под хвостом Даарда дрогнул, ушёл вниз, и камень раскололся широкой чёрной пастью.

Дахор что-то рывкнул впереди, но Даард уже не разобрал слов. Воздух сорвался вниз вместе с ними.

Эльфийка вскрикнула — коротко, сдавленно. Не так громко, как должна была бы женщина, летящая в провал. Видимо, даже в этом кошмаре успела понять, что крик не поможет.

Даарду это не понравилось. Хвост сам сжал её крепче, прижимая к себе, будто единственной задачей в рушащейся темноте было не дать этой обманщице разбиться.

— Не дёргайся, — прошипел он ей в волосы.

Их ударило о каменный выступ. Даард принял основную тяжесть на себя, инстинктивно разворачиваясь так, чтобы её тело оказалось между его грудью и кольцами хвоста, а не между камнями и смертью.

Боль прошла по спине, рёбрам, повреждённому черепу и ударила в пустые глазницы, где регенерация уже начинала тяжёлую, мучительную работу.

Шарх.

Слепота не пугала. Пугать его было поздно и трудно. Но

она злила. Мир стал слишком шумным, рваным, зависимым от запахов, вибраций, магических отголосков и чужого дыхания.

А чужое дыхание сейчас было слишком близко.

Эльфийка судорожно вцепилась в его плечо.

— Не ломай когти, — процедил Даард. — Они тебе ещё понадобятся.

Ответить она не успела, их снова сорвало вниз.

На этот раз Даард успел. Хвост метнулся, зацепился за каменный зуб, соскользнул, оставив на породе глубокий след чешуи, снова ударил в сторону и нащупал другой выступ. Мышцы свело от напряжения, но падение замедлилось.

Обломки летели рядом. Один прошёл слишком близко, рассекая воздух возле головы эльфийки.

Даард закрыл её собой. Они рухнули в мокрую каменную пыль где-то значительно ниже. Удар получился тяжёлым. Эльфийку выбросило бы из его хватки, если бы хвост не удержал её почти намертво.

ГЛАВА 10. СЛЕПОЙ ЗАЩИТНИК

Несколько мгновений Даард лежал неподвижно, слушая, как сверху продолжает рушиться подземелье. Где-то далеко, за толщей камня, глухо прокатился голос Дахора. Потом новый обвал отсёк звук. Тишина стала плотной. Неправильной. Эльфийка закашлялась.

— Вы... живы?

Даард медленно поднял голову.

— Разочарована?

Она не ответила сразу. И правильно. Наконец-то начала вспоминать, с кем осталась наедине.

Даард чувствовал её страх. Не показной, не театральный, а настоящий. Горький, острый, липнувший к коже. Страх существа, которое слишком хорошо знает: рядом не спаситель.

Рядом саш Маарц.

Советник, о котором даже в высоких домах говорили шёпотом. Тот, кто мог лишить род будущего одним решением.

Тот, кто редко угрожал дважды.

И который уже поймал её на лжи.

— Нет, — тихо сказала она. — Просто... уточняю.

— Уточнила.

Он ослабил кольцо хвоста ровно настолько, чтобы она могла дышать свободнее, но не настолько, чтобы смогла отстраниться.

Пока её жизнь имела ценность. Даард поднялся не сразу. Сначала прислушался.

Сверху — камень, пыль, отдалённый треск. Сбоку — узкий ход, слабое движение воздуха. Внизу — влажность. Где-то дальше — корни. Земля. Лес.

Разлом вывел не вглубь гор, а к старым подземным жилам, уходящим за пределы Академии.

Неплохо. Могло быть хуже. Мог рядом оказаться Дахор с упрямым желанием немедленно ломать печать. Или Итой.

При мысли об эльфе в груди снова поднялась холодная

злость, эльф солгал.

И не кому-то, а Дахору. Зная о его даре. Зная, что император чувствует ложь так же ясно, как змайс чувствует кровь в воздухе. Это было либо безумие, либо отчаяние, либо предательство.

Даард не любил ни один из этих вариантов.

— Где мы? — спросила эльфийка.

Голос у неё стал осторожнее, лучше.

— Ниже, — ответил он.

Она, кажется, хотела что-то сказать, но промолчала. Умнеет.

Даард медленно втянул воздух. Теперь, когда пыль немного осела, он чувствовал больше. Сырость. Камень. Старые корни. След драконьей магии на её коже. Не поверхностный. Не свежий. Въевшийся глубоко, как клеймо.

Печать должника, драконья работа, а значит, круг сужался.

Не каждый драконий род рискнул бы связываться с артефактом власти ничейных земель. Не каждый имел доступ к древним формулам. И не каждый обладал достаточно старой кровью, чтобы печать среагировала так яростно на попытку Дахора её сломать.

Даард начал перебирать имена. Если к печати эльфийки приложили руку те же, кто прежде пытался добраться до его сэйры, значит, эта история тянулась не от сегодняшнего обвала. Он отпустил эльфийку настолько, чтобы она могла стоять сама, но кончик хвоста остался рядом с её ногами. Не позволял отойти.

— Не двигайсся.

Она замерла, он поднял руку. Когтем рассёк кожу на ладони. Кровь выступила мгновенно — тёмная, густая, с тяжёлым запахом змайсовой силы.

Эльфийка резко втянула воздух.

— Что вы...

— Молчать. — змайс провёл когтем по воздуху, вычерчивая короткие, резкие линии.

Кровь не падала, а зависала тонкими нитями, складываясь в знак рода Маарц, затем в личную метку, которую Дахор узнает безошибочно. Воздушный вестник получался грубым. Слепота и недавняя потеря сил мешали. Но для Дахора хватит.

Даард вложил в послание сжатый образ: обвал, разлом, эльфийка жива, он жив, печать драконья, связь с Итоем не исключена, возможны кланы Истхарской линии, Шаарг, Харвейн, ла Риан. Отдельным, более жёстким импульсом — имя Вики и след того дракона, который прежде выходил на неё.

Кровавый знак вспыхнул, сжался в чёрно-алую птицу и сорвался в узкий проход наверх, просачиваясь сквозь каменные щели. Только после этого Даард повернул голову к пленнице.

— Драконы, — неожиданно произнёс он.

Эльфийка не шелохнулась, но сердце сбилось. Одного удара хватило.

— Вот так. — Даард едва заметно улыбнулся.

— Я ничего не сказала.

— И не нужно.

Она побледнела.

— Вы не можете знать.

— Могу. — он скользнул ближе, не быстро, быстро он уже двигался раньше.

Сейчас медленно — чтобы она успела понять, что расстояние между ними исчезает только потому, что он так решил.

— Твоя печать пахнет древней драконьей кровью. Старой формулой, родовой. Такие вещи не валяются в лавках.

Она молчала.

— Значит, тебя послал не один безумец. За тобой стоит дом. Или несколько домов.

Её пальцы дрогнули. Даард услышал.

— Хорошшшо, — тихо сказал он. — Значит, несколько.

Аширо резко подняла голову.

— Я не могу говорить. — но тут же опустила взгляд.

— Я и не прошу. — он наконец убрал хвост от её ног, но это не сделало её свободной.

Скорее наоборот, если побежит, он поймает её по дыханию и по запаху страха. И, возможно, уже не станет беречь.

— Проход есть? — осторожно спросила она.

— Есть.

— Вы его... чувствуете?

Даард повернул к ней лицо, даже без зрения этот жест заставил её замолчать.

— Воздух движетссся справа. Там выход.

Он двинулся первым, верхняя часть тела оставалась почти неподвижной, но хвост работал безошибочно: проверял трещины, цеплялся за выступы, удерживал равновесие там, где двуногая давно бы сорвалась вниз.

Аширо шла рядом, немного позади. Обломки цепей всё

ещё висели на запястьях и звенели при каждом движении.

Черный змайс остановился.

— Руку.

— Зачем? — замерла она.

— Ты шумная.

Эльфийка медленно протянула запястье, не сводя с него взгляда. Зачарованный металл уже почти не тянул из неё силу — взрыв выжег большую часть плетения. Но “почти” не значило “свободна”.

Советник сжал кольцо оков, железо хрустнуло. Внутри неё тут же шевельнулась надежда. Магия вернётся и она сможет отвести внимание и бежать.

Второе кольцо оков треснуло в его пальцах, Аширо опустила ресницы, скрывая вспышку облегчения.

— Благодарю.

— Не ссстоит. — он бросил обломки под хвост и чуть повернул к ней голову — Особенно если уже прикидываешь,

как залезть мне в голову.

Она похолодела.

— Я ничего не...

— Не говорила, — перебил он. — Знаю.

Даард скользнул ближе. Слепые глаза смотрели мимо, но он казалось видел ее насквозь.

— Но запах надежды у тебя слишком резкий.

— Запах... надежды? — сжала пальцы эльфийка.

— У страха один вкус. У расчёта — другой. У внезапной мысли “теперь я смогу сбежать” — третий.

Он наклонился ниже, почти к её уху.

— Не трать силы, сая. На мне стоит защита от ментального вмешательства. Хорошая. Родовая. И после Итоя — усиленная.

Её сердце сбилось, змайс услышал.

— Вот так. Теперь думаешь, попробовать ли телекинез.

Аширо резко подняла взгляд.

— Вы слишком самоуверенны.

— Нет. Я просто знаю вашу расу.

Он отстранился и двинулся дальше.

— Эльфы сначала лезут в голову. Если не выходит — двигают предметы. Если и это не помогает — начинают говорить.

— Последнее у вас получается хуже всего. — после секундной паузы заметил он.

Аширо вскинула подбородок.

— А змайсы, видимо, сначала душат, потом думают?

— Иногда думают заранее. Поэтому ты всё ещё жива. — она промолчала, но внутри злость наконец вытеснила часть страха.

Некоторое время слышны были только их дыхание, шорох чешуи по камню и далёкий стон земли над ними. Потом ход пошёл вверх. Запах леса стал отчётливее: влажная почва, гнилая листва, ночная прохлада. Где-то недалеко была вода. Не подземная — открытая. Ручей или болотистая низина.

Она инстинктивно дёрнулась.

— Не трать силы, — холодно сказал он. — Понадобятся.

Выход оказался провалом между корнями древнего дерева. Каменная щель резко закончилась влажной землёй, осыпавшимися пластами почвы и переплетением корней.

Даард первым выбрался наружу, втянул воздух и замер. Лес. Ночь. Они далеко от Академии. Не настолько далеко, чтобы считать себя в безопасности, но достаточно, чтобы магический фон источника ощущался глухо, приглушённо, как далёкий жар за стеной.

А потом разлом за их спинами вздрогнул. Даард успел выдернуть эльфийку наружу за мгновение до того, как проход окончательно осыпался. Земля просела, корни треснули, камень внутри схлопнулся с глухим стоном.

Их выбросило на небольшую поляну. Над головой темнело небо, рассечённое ветвями. В траве лежал холодный туман. Где-то стрекотали ночные насекомые. Далеко ухнула птица.

Эльфийка, которую он наконец выпустил, пошатнулась и опустилась на траву, жадно вдыхая воздух. Даард остался стоять возвышаясь над ней, страх снова стал острее. Советник повернул к ней голову.

— Боишшшьсья?

Она не ответила. Правильно. Ложь он бы услышал и без дара Дахора.

— Мой страх вас удивляет?

— Нет. Он доказывает, что разум у тебя всё ещё работает.

Аширо сглотнула.

— Что вы намерены делать?

Вот теперь вопрос был уместен. Даард медленно втянул воздух. Драконья печать. Эльфийская кровь. Итой, пойманный на лжи. Дракон, который охотился на Вику. Сердце Пла-

мени. Воронка. И его зверь, который слишком спокойно воспринимал эту обманщицу рядом.

— Разберусь, — сказал он.

— В чём?

Он не ответил эльфийка едва заметно напряглась, но Даард услышал и шипя заметил.

— Ты знаешь больше, чем можешь сказать.

— Печать не позволит.

— Значит, найдём способ спрашивать иначе.

Она побледнела, но не отступила. Возможно, потому что отступить было некуда.

— Вы собираетесь пытаться меня здесь?

Даард чуть наклонил голову.

— Если бы собирался, ты бы уже кричала.

Этого хватило, она замолчала.

— Пока ты нужна живой, — продолжил он. — И рядом.

— Как пленница?

— Как ответ.

Она посмотрела на тёмный лес за его спиной.

— А если я попытаюсь уйти?

Даард не улыбнулся. Но воздух вокруг словно стал холоднее.

— Тогда я пойму, что ты глупее, чем выглядишь.

Она опустила взгляд.

— Поняла.

Хорошо. Именно так. Без лишней дерзости. Без опасного кокетства со смертью. Она боялась его — и должна была бояться.

Даард поднял голову, оценивая запахи. Где-то глубже в чаще была низина. Вода. Укрытие. Влажная земля, способ-

ная сбить след, если их будут искать обычными методами.

Но Дахор станет искать не обычными. Итой, если действительно причастен, тоже знает, куда ударить.

Значит, стоять на месте нельзя.

Но далеко уходить слепым, с повреждённым телом, пленницей и зверем, который вместо ясности подсовывает инстинкты, — глупость.

А Даард не был глупцом.

— До восстановления зрения далеко не пойдём, — сказал он. — Два дня, возможно, меньше. Идём.

— Куда? — спросила она, не надеясь на ответ.

— Вглубь леса. Там вода и укрытие.

Она с трудом поднялась. Через несколько шагов Даард остановился.

— Ближе.

Она замерла.

— Зачем?

— Я слеп.

— Но вы...

— Я не беспомощен, — перебил он. — Но если ты отста-
нешшь, мне придётся возвращаться. Не вынуждай меня
тратить силы.

Она подошла ближе. Недостаточно. Хвост скользнул на-
зад и легко коснулся её голени, направляя.

— Рядом.

Она подчинилась, сердце билось быстро и неровно, но ша-
ги оставались сдержанными.

— У меня есть имя, — тихо сказала она спустя несколько
мгновений.

Даард не ответил.

— Аширо.

Имя легло в сознание неприятно чётко. И слишком легко соединилось с запахом, дыханием, сбившимся сердцем и той неправильной реакцией зверя. Пауза затянулась.

— Идём, Аширо, — наконец произнёс он.

Зверь внутри довольно затих, советник скрипнул челюстью.

Лес сомкнулся за их спинами. Поляна исчезла в тумане, а впереди были ночь, мокрые ветви, неизвестность и два дня, которые Даарду предстояло пережить без зрения.

С эльфийкой рядом. С обманщицей. С той, кого его зверь не желал отпускать. По причинам, которые Даард пока соглашался называть только тёмной магией.

ГЛАВА 11. СНАЧАЛА ВЫЖИВИ, ПОТОМ СОБЛАЗНЯЙ

АШИРО

Лес к ночи затихал, даже шум водопада, доносившийся сквозь деревья, не успокаивал, а только сильнее подчеркивал чуждость этого места. Влажный воздух лип к коже, в траве шуршало что-то мелкое, а туман, стелившийся у земли, временами казался живым.

Аширо сидела на камне, обхватив себя руками, и исподтишка наблюдала за змайсом.

Саш Маарц выбрал место для ночлега так, будто делал это не раз: спиной к скале, рядом вода, впереди открытый просматриваемый участок, слева корни старого дерева, под которыми можно было укрыться от ветра.

Даже слепой, он оставался опаснее любого зрячего. Это нервировало и пугало, очень.

Он почти не говорил с тех пор, как они выбрались из разлома. Только короткие, точные указания, после которых спорить не хотелось. И всё же за этим холодом Аширо слишком хорошо чувствовала другое.

То, как его хвост без колебаний подхватывал её там, где она могла оступиться. Как он неосознанно задвигал её себе за спину, когда лес отзывался подозрительным шорохом. То,

как ни разу не отпустил далеко от себя, хотя причин доверять ей у него не было.

И это было страннее всего. Человеческая часть бывшего советника ее люто ненавидела. Зверь — нет. Она медленно выдохнула. Если это не использовать, она дура. Если использовать неумело — покойница.

Она перевела взгляд на его силуэт.

Даард расположился у корней, полускрытый тенью. Огромный тёмный хвост кольцами лежал на земле, чуть поблескивая влажной чешуёй в размытом лунном свете. Голова опущена. Глаза, ещё пустые после ранения, ничего не видели. Но Аширо почему-то казалось, что стоит ей сделать одно неверное движение — и он поймает это быстрее, чем она успеет моргнуть.

Нужно было решаться. Либо сейчас, либо ждать, пока он вернёт её императору. А там — темница, допрос, печать, боль... и, возможно, смерть.

Нет. Она не для того выживала всё это время, чтобы покорно пойти на убой. Если судьба подсовывает нового хищника, надо сделать так, чтобы он захотел оставить добычу себе.

А если повезёт... может, этот змей и правда однажды сожрёт её мужа-дракона. От этой мысли в груди шевельнулась тёмная, почти постыдная надежда.

Аширо поднялась, осторожно и медленно. Так, чтобы он услышал приближение и не решил, что на него бросают-

ся. Советник не шелохнулся, только когда до него осталось несколько шагов, произнёс равнодушно:

— Если ты решила сбежать, выбирай направление умнее. Справа овраг.

Аширо замерла.

— Я не собиралась бежать.

— Ложь. — несмотря на его резкость она заставила себя сделать ещё шаг.

— Тогда почему подпустили так близко?

— Потому что, если бы ты шла убивать, сердце билось бы иначе.

Аширо едва не вздрогнула, рядом с ним слишком трудно оставаться неразгаданной. Это было неприятно.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Аширо опустилась на колени напротив, не слишком близко, но и не на безопасном расстоянии.

— Выжить.

Даард чуть повернул голову.

— Честнее. — Даард чуть повернул голову и продолжил давить, словно наслаждался ее унижением, вот же хладнокровный.

— Я и так честна.

— Нет. Ты сказала вершину. Я спросил корень.

Она сжала пальцы. Конечно, следовало догадаться, с ним иначе и не получится.

— Я не хочу возвращаться в темницу.

— Это мне уже известно.

— И не хочу, чтобы меня снова отдали Его Величеству.

— Это тоже.

— Тогда вы понимаете, зачем я здесь.

Молчание казалось длилось слишком долгое время. Вытаскивая на поверхность неприятные чувства. Потом Даард едва заметно усмехнулся.

— Нет. Я хочу услышать, как именно ты это назовёшь.

Шарх.

Он заставлял её произнести это вслух. Горло свело не от стыда даже — от злости. На себя. На мир. На то, что выживание снова приходится покупать самым мерзким из доступных способов.

И от этого стало холодно даже в тёплом влажном воздухе. Но выбора не было.

Аширо чуть подалась вперёд.

— Если ваш зверь уже считает меня своей... — она заставила голос звучать тише, мягче, — Разве не разумнее оставить меня при себе... не только как пленницу?

На последних словах она медленно подняла руку и коснулась края его плеча. Только кончиками пальцев. Легко, почти невесомо.

Тело змайса под ладонью не дрогнуло, но хвост на земле сдвинулся. Совсем немного и этого хватило, чтобы по коже Аширо пробежал холод.

Он слышал, реагировал, значит, она не ошиблась. Осме-

лев она скользнула пальцами выше, медленнее.

— Я могу быть полезной, — прошептала она. — Не только как нить к ответам. Я могу...

Хвост ударил в землю так резко, что Аширо вздрогнула всем телом.

Даард перехватил её запястье. Не больно. Но так жёстко, что стало ясно: ещё миллиметр — и больно будет.

— Не продолжай.

Голос был негромким, но Аширо замерла. Он медленно потянул носом воздух, будто вбирая её запах глубже, чем следовало бы. Мышцы под кожей напряглись, челюсть стала жёстче.

Тело всё-таки отозвалось, она это почувствовала, и потому рискнула.

— Почему? — тихо спросила она. — Вы ведь хотите этого не меньше моего.

В следующее мгновение он рывком подтянул её ближе. Так, что она оказалась почти прижата к его груди, а тяжёлое кольцо хвоста уже замкнулось у неё за спиной.

Не чтобы ласкать, а чтобы напомнить, с кем она играет. Аширо перестала дышать. Лицо Даарда оказалось совсем рядом. Слепые глаза не видели её, но и без зрения было очевидно, что он знает, куда впиться.

— Ошибаешься, — произнёс он почти ласково. — Я хочу не тебя. Я хочу понять, кто ты, на кого работаешь и почему мой зверь ведёт себя так, будто ты имеешь право

подходить ко мне ближе, чем на расстояние броска.

Его пальцы скользнули выше по её руке — медленно, вдумчиво. Достаточно ощутимо. Так, чтобы её тело само вспомнило о страхе.

— А вот ты, эльфийка, хочешь выжить. И решила купить себе это право через тело.

Он произнёс это без брезгливого выплёвывания. Слишком ровно и точно. И от этого стало стыдно. Почти по-настоящему.

— Я...

— Тихо.

Одно слово — и она замолчала.

Даард наклонился ближе. Его дыхание скользнуло по её щеке, по виску, по шее. Не поцелуй. Не ласка. Осмотр хищника, который решает, насколько опасна добыча, осмелившаяся сама лечь к нему в пасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.